

Искорка

9

ЛЕНИЗДАТ ★ 1958

Товарищ комсомол

Музыка В. Витлина

Слова И. Ринка

Умеренно

1. По зову ле-ни-на в боях он был на всех фрон-тах - в бу-
дён-нов-ке, в ши-не-ли, с вин-тов-ко-ю в ру-ках. Тре-во-жен, сла-вен и тя-
жел тот путь, что он про-шёл, но не ста-рит-ся с го-да-ми то-
варищ Ком-со-мол, то-варищ Ком-со-
мол. я. По-мол.

Для повторения

Для окончания

The musical score is written for voice and piano. It features a key signature of one sharp (F#) and a 4/4 time signature. The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). The score includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. Dynamics include *f* (forte) and *mf* (mezzo-forte). The lyrics are in Russian, and the score includes instructions for repetition and conclusion.

(Слова песни см. на 16-й стр.).

№ 9

Сентябрь 1958 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Георгий Трифонов

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА!

Сентября золотая пора,
Льётся осени воздух весёлый.
Мы вернулись в наш город вчера
И сегодня отправимся в школу.

Пионерская песня летит
Вдоль белёного старого дома,
И друзья нагоняют в пути
И встречают у двери знакомой.

Здравствуй, школа! Опять нам с тобой
Подружиться на долгую зиму.
Здравствуй, солнечный класс голубой —
Мир науки родной и любимый!

Сколько нас, загорелых ребят!
Как нарядно, приветливо, чисто!
И торжественным гулом объят
Этот день — молодой и лучистый.

И светло нам, и каждый согрет,
И летят поздравленья без счёту.
Это Родина шлёт нам привет,
Это Партии нашей забота.

В коридорах раздаётся звонок,
Пронесётся над утренней ранью,
И начнётся наш первый урок —
Время новых работ и заданий.

Рис. Ю. Лаврухина

И. Семенков,

бывший командир, отряда № 39 3-й бригады ленинградских партизан имени А. В. Германа

Рисунки В. Орлова

Партизанский комбриг

*„Кто тебя назовёт мертвецом,
Если ты, умирая, остался бойцом!“.*

(Муса Джалиль)

В ШТАБЕ Северо-Западного фронта для отправки в тыл врага формировалась 2-я особая партизанская бригада. Уставший, измотанный бессонными ночами, начальник штаба составлял списки, перечитывал анкеты. Люди требовались особенно надёжные: драться им предстояло не в окопах, где справа — сосед, слева — сосед, а там, далеко за передовой, один на один с лютым врагом.

«Герман Александр Викторович. Старший лейтенант. — Снова перечитал он скупые строки анкеты. — Год рождения 1915-й. Комсомолец».

— Молод, — произнёс начальник штаба, ни к кому не обращаясь, — но человек именно тот, — добавил он и размашисто написал: «Назначается заместителем комбрига по разведке».

Так началась партизанская биография Германа.

Срок отправки во вражеский тыл был предельно мал. Комплектование подразделений, их вооружение, организация поглотили и те считанные часы, которые оставались. В последнюю минуту Герман выбрал момент черкнуть пару слов домой.

«Что бы ни случилось, будь всегда спокойна, — писал он жене, — никогда не теряйся... Старайся всеми силами помочь армии, государству. Борьба тяжёлая, но она всенародная, следовательно, победа за нами. Береги сына, а приеду — живём по-новому, по-мирному, в братском союзе с народами Европы...»

...Враг рвался к Ленинграду. Всё ближе и ближе подкатывалась к городу линия фронта. Впрочем, фашистским захватчиком трудно было разобраться, где идут бои. Их передовые отряды заняли Гатчину, подошли к Стрельне, а далеко позади, под Псковом и Старой Руссой, громились фашистские гарнизоны, летели под откосы эшелоны с войсками и техникой, взрывались на аэродромах самолёты и склады с горючим. Горела земля под ногами у захватчиков.

Трудной была борьба партизан. Как ни ласков, как ни хорош лес для своих, а зимой и он холоден. А тут ещё бои за боями, боеприпасы на исходе, обмундирование износилась. Настал день, когда и продовольствие кончилось.

Обо всём этом Герман знал ещё до того, как его вызвали к командиру. В землянке было сыро и, несмотря на раскалившуюся от огня печку, всё же холодно. Комбриг ходил по узкому проходу вдоль стола и медленно говорил:

— Направления указать не могу. Нужно искать. Людей много тоже не дам, на учёте каждый. Но продукты и боеприпасы необходимо достать любой ценой.

— Слушаюсь! — коротко ответил Герман.

Нападать с небольшой группой на гарнизоны врага, засевшие в населённых пунктах, было небезопасно. Деревни отряд обходил стороной. Рисковать — глупо. Нужно было ударить наверняка. Дорога меж-

ду Старой Руссой и станцией Холм по бокам вся обросла кустами. В них и решено было устроить засаду.

Залегли. Замаскировались. На холоде и минуты кажутся часами, а если взглянуть на циферблат, то минут этих прошло уже немало. Уже и снег успел засыпать их следы — дорога гладенькая, чистая, как скатерть на праздничном столе.

— Товарищ командир... — Герман услышал тихий шёпот и поднял голову. По дороге прямо на них двигался обоз.

На подводах ехали немцы, рядом шагали замёрзшие полицаи. «Человек 30! — прикинул в уме командир. — Многовато». Но отказываться от боя было уже поздно. Герман увидел, как шедший впереди полицай глянул в кусты и у него сразу как-то неестественно стали расти и округляться глаза. Герман выдвинулся немножко вперёд, показал полицаяю гранату и молча кивнул головой вдоль дороги: «Проходи и не пикай!»

Полицаи, ускорив шаг, прошли мимо партизан, не издав ни звука, а когда обоз поравнялся с засадой, разом ахнули несколько гранат, затарахтели автоматы. Бой был коротким. Немцы и полицейские бросились бежать, но от партизанской пули уйти трудно. Тридцать врагов осталось лежать на снегу, а десять подвод с военным грузом и продовольствием благополучно прибыли в отряд. Потерь у разведчиков не было.

«Если ты получишь это письмо, — писал Герман после боя, — то знай, что прошло оно сквозь «огни и воды»... Я жив, здоров, а большего сейчас и желать нечего. Всеми своими силами бьюсь с оккупантами и со всякой прочей сволочью...»

...Летом 1942 года Александр Герман был назначен командиром вновь созданной 3-й Ленинградской партизанской бригады, которая вскоре перешла линию фронта и вышла в Партизанский край. Так назывались юго-западные районы Ленинградской области, в которых с начала войны была восстановле-

Герой Советского Союза А. В. Герман

на советская власть, работали колхозы, больницы, школы.

Немцам этот край был как бельмо на глазу. На его уничтожение они снаряжали экспедицию за экспедицией.

Однажды оккупантам удалось занять деревню Вязовку на реке Полисти и создать партизанам постоянную угрозу внезапного налёта. Германовцы окружили Вязовку и разгромили врага, но каратели решили дать партизанам реванш, стянули к деревне большие силы и, в свою очередь, окружили её.

Долго сидел в ту ночь командир, склоняясь над картой. Положение создалось тяжёлое: их силы прижаты к реке, у противника огромный перевес. Лезть в лобовую атаку было бессмысленно.

Под утро Герман вызвал нескольких пулемётчиков.

— Задание вам очень ответственное, — сказал он. — Мы уходим, а вы останетесь здесь, в деревне. Может быть, и не вернётесь к нам, но деритесь до последнего...

Утром фашисты снова пошли в атаку. Они сразу почувствовали, что сопротивление партизан ослабло. Невзирая на страшный пулемётный огонь, враг ворвался в деревню.

И тут по ним с тыла ударили германовцы. Ловушка, которую готовили партизанам, стала ловушкой для самих карателей. Все они были сброшены в Полесье и уничтожены.

«Мы выдерживаем смертельную схватку не с человеком... а с бешеной собакой — лютым зверем в человекообразном виде, — писал Герман в те дни домой. — Я прошёл районы Осташкова, Молвотицы, Пено, Серёжино, Адрианополь. Холм, Торопец, Великие Луки, был у самой границы Латвии. Я видел фашиста в звериной шкуре в роли молодца, когда он издевается над мирным населением — детьми, стариками, видел, как изверг убивает ребёнка на глазах обезумевшей матери... В селе Санички Ново-Сokolьнического района немцы сожгли и истёрзали 480 человек. Видал немца и в роли овечки, когда он попадает в руки партизан, когда он бежит, как заяц, от частей Красной Армии.

...Я помнил, что за моей спиной советские честные люди, я должен их защищать от этой гориллы, и я их защищал. По пройденному пути разгромлены десятки гарнизонов, 17 волостных управ, опочечкая и идрицкая полиция, уничтожено бесчисленное количество техники и безмозглых обезьян в человекообразном виде. Мы заставили их трепетать при упоминании слова «партизан».

...Жизнь я люблю безумно, она хороша и своими горестями и своей радостью, но если придётся умереть, то знай, что умру честно, самоотверженно, я не посрамлю земли русской... Сыну будет чем вспомнить об отце его, и если когда-либо ещё повторится столь грозный час, то будет с кого взять пример». Между тем врагу всё же удалось ликвидировать Партизанский край. Большинство отрядов партизан пе-

решло линию фронта, вернулось к своим. Только бригада Германа ушла в глубокие тылы врага — в псковско-лужские леса.

Тяжёлую зиму 1942—1943 года партизаны провели в деревне Ровняк. Они очистили большой район от фашистских гарнизонов, полицейских, старост и установили свой контроль. Местное население горячо поддерживало партизан. Оно называло Ровняк «Малой Москвой», «Партизанской столицей». Здесь собирались конференции, издавалась газета, сюда приезжали гости с Большой Земли.

Оккупанты решили выбить партизан из Ровняка. Они окружили деревню и 15 марта 1943 года повели наступление со всех сторон. Партизаны держались до последней возможности. Уже кончились боеприпасы. Раненых было больше, чем живых, в деревне возникли пожары.

С трудом прорвалась бригада на север, оставив в Ровняке несколько сот немецких трупов.

Измотанные тяжёлыми боями, увязая по колено в снегу, голодные пробирались партизаны по лесу. Особенно тяжело было пулемётчикам. Герман, шагавший в общей колонне, заметил, что один из них шёл и открыто плакал.

— Что случилось, друзья? — подошёл он к пулемётчикам.

— Обидно, Александр Викторович: сколько воевали, живыми вышли, а тут приходится погибать с голоду.

Герман поискал глазами адъютанта, подозвал его.

— Гриша, принеси мой ранец.

Адъютант Лемешко нехотя подал ранец, на дне которого лежала единственная банка консервов.

— Товарищ командир... — умоляюще прошептал Лемешко.

— Ничего, Гриша, скоро у нас будет всего вдоволь. — Герман сам открыл банку и роздал ослабевшим ребятам свиную тушёнку.

К вечеру партизаны добрались до деревни Помжино. Разместились на отдых. Уставшие люди просто валились с ног. И вдруг...

— Фашисты! — пронеслось по селу. Коварный враг всё время шёл по пятам и вот нагнал. Сражаться с ним не было уже никаких сил. Герман тихо, старательно заматывая следы, снова увёл партизан в лес.

Каратели заняли деревню без боя. Из темноты ночи к деревне двигался ещё один отряд. Увидев его, фашисты заняли оборону, открыли огонь. Три часа наблюдали из леса партизаны, как дрались между собою два отряда карателей. Последнее слово в этом бою сказали германовцы: бригада вышла из леса и «навела порядок», утихомирила разбушевавшихся «драчунов» и снова заняла деревню. Враг потерял до 100 человек убитыми.

Кругом полыхали пожары. Немецкие оккупанты вымещали свою злобу на мирном населении: жгли деревни, расстреливали, угоняли в рабство.

Через деревню Пожиково, где теперь стояли партизаны, тянулись вереницы беженцев. Обездоленные, осиротевшие и голодные люди шли и шли... Куда? Этого они и сами не знали. Шли из своих сожжённых деревень, шли от ненавистного врага, чаще всего к партизанам.

Высокий седой старик с окладистой бородой шёл не шибко. Видно,

устал, да и узел, хоть и невелик, а натёр плечо. Но всё-таки мальчонке, шедшему с ним рядом, часто приходилось ускорять шаг и он устало трусил, подпрыгивая по дороге. Узла у парнишки не было — его руки бережно прижимали к себе маленькую собачонку. Не бросил малыш своего друга, не оставил его врагу!

Старик подошёл к группе партизан; спросил:

— Мальцы, покажите, где ваше начальство проживает.

Деду показали штабную избу. На крыльцо вышел Герман.

— Товарищ начальник, — дед скинул шапку, — силушки больше нет глядеть на этих проклятых аспидов. Старуху мою ноне убили, избу спалили. Дай, сынок, мне и Витюшке, — старик указал на мальчика с собакой, — дай, родненький, по ружью нам. Решили мы с ним запартизанить.

Герман подошёл к мальчику, погладил собаку. Та сейчас же проснувшись, взвизгнула, увидев незнакомца, но, почувствовав, что эта рука зла не сделает, лизнула ладонь.

— Винтовки вы, папаша, с внуком получите, — ответил наконец комбриг. — А сейчас я направлю вас ездowymi в хозчасть. — Он помолчал и добавил: — А по избе не

горюй: скоро победим Гитлера, построим тебе, дедуся, новый дом.

Далёк был ещё путь до этого нового дома. Далёк и труден. Шёл он сквозь заснеженные леса, непроходимые болота, сожжённые города и деревни, сквозь жестокие бои.

От переутомления, постоянного недоедания, изнурительных боёв крепкий организм Германа начал сдавать. В одной из деревень болезнь подкосила его, комбриг слёг.

Высокая температура затуманивала сознание. Перед глазами проплывали картины далёкого, счастливого детства. Припомнилось, будто стоит он на ленинградской улице и читает вывеску: «Школа № 3». И он третьеклассник... Новичок... Ребята

с Лиговской улицы смотрят на него как-то хитро и задиристо, вот-вот полезут драться...

— Гогочка! — слышит он.

— Почему? — спрашивает Саша Герман обидчиков. — Разве учиться хорошо — значит быть «гогочкой»?

— А зачем в класс черепаху принёс?

Да, была у маленького Саши черепаха «Броня». Он её подарил учительнице в живой уголок и за это его самого ребята прозвали «Сашкой-черепашкой». А как они дразнили Сашу, когда он пришёл в класс с куклами! Да-да, с самыми настоящими куклами! Он смастерил их вместе с Костей Леганько-

вым и Колей Босолаевым. А потом получился целый кукольный театр, и они ездили выступать на заводы, в жакты домов.

— Гогочка! — слышит он снова.

— Нет, я не гогочка! — хочет крикнуть Саша.

Но ребята кричат всё громче и громче: «Гогочка! Гогочка!...»

Нет, это кричат уже не ребята. Вернулось сознание, и сквозь какой-то непонятный звон в ушах Герман слышит, как за стеной избы, на крыльце, часовой объясняет кому-то, что никакого Германа здесь нет, а кто он такой, часовому и вообще неизвестно. «Охраняют!» — улыбнулся комбриг и снова услышал голос, на этот раз хриплый, старушечий:

— Эй, сынок, как тебе не стыдно не знать, кто таков Герман!.. Да ведь это избавитель наш, заступник. Самый большой начальник в районе...

Часовой замялся, приоткрыл дверь, заглянул, спросил шёпотом:

— Товарищ командир, старушка тут к вам...

— Пропусти, — улыбнулся комбриг.

ШЕЛ сентябрь 1943 года.

Второй день боёв был на исходе. Смолкли частые залпы артиллерийских и миномётных батарей, не слышен гул моторов танков и самолётов врага, прекратили перебранку пулемёты, не рвут вечернюю тишину автоматные очереди.

От тяжёлых боёв остались только следы: костры горящих деревень, едкий запах дыма, частые воронки да опалённая трава вокруг них.

Тишина такая, что слышно, как в траве «стреляют» своими зрелыми плодами заборный горох и «недотрога». Природа щедрой рукой сеяла на землю жизнь, а кругом огнём бушевала смерть.

Со стороны города Острова снова донёсся гул самолёта.

Люди, отдыхавшие в деревне, были подняты для усиления противовоздушной маскировки. Необходимо в первую очередь спрятать под навесы и кроны деревьев многочис-

ленные повозки походного госпиталя.

Самолёт приближался. Он шёл, как на прогулку: на малой скорости и небольшой высоте. В деревне прекратилось движение, притихли голоса людей, сотни глаз устремились в сторону летевшего воздушного разведчика — «Костыля».

Выйдя в район окружения бригады, «Костыль» ещё сбавил скорость и стал сбрасывать тюки какого-то груза. Отделяясь от самолёта, тюки рассыпались в тысячи листовок, которые разлетались во все стороны, образуя большое розовое облако листовок.

«Костыль» улетел к Острову. Опять стало тихо. Партизаны вышли из укрытий.

На краю деревни в сарае шло совещание комсостава полков и отрядов бригады.

В центре живого кольца участников совещания, сидевших на прошлогодней соломе, стоял Герман с большой картой в руках.

Комбриг был одет по-армейски, в форме танкиста, с которой он, кадровый офицер Советской Армии, не расставался вот уже десять лет: гимнастёрка и брюки-галифе цвета хаки; начищенные до блеска русские сапоги; фуражка с чёрным околышем и звёздочкой; широкий армейский пояс с портупеями затягивал его высокую и стройную фигуру; на правом боку — маузер, на левом — планшет; на груди два ордена и медаль; на плечах полевые погоны с одной большой звездой, скрытые плащом стального цвета.

Начальник штаба Крылов прочитал вслух листовку. В ней фашисты призывали партизан 3-й бригады прекратить бесполезное сопротивление, так как они окружены 6-тысячной дивизией СС. Листовка являлась пропуском для перехода на сторону германской армии.

— Подлецы! — зло бросил Худяков, командир 3-го полка, человек прямой, горячий и крепкий на слово.

— А что немцы к нам обращаются? Они же давно уничтожили на-

шу бригаду! — стараясь быть серьёзным, заметил командир 11-го отряда Костя Гвоздев, балагур и весельчак, любимец всей бригады.

— Они верят в способность партизан воскресать, — отозвался молчаливый Воскресенский, начальник политотдела.

Все громко рассмеялись.

— Товарищи! Враг уточнил наши разведанные, — начал Герман, осторожно постучав по планшету трубкой, чтобы вытряхнуть остывший пепел. — Мы окружены дивизией СС 16-й армии фон Буша. Нам предстоит тяжёлый ночной бой за прорыв кольца окружения. Но куда прорываться? Прошу, товарищи командиры и комиссары, высказать свои соображения.

Опять наступило молчание.

— Надо спасать раненых. Мы должны уйти отсюда, не принимая боя, — с жаром сказал один из командиров, сидевший в углу сарая.

— Уйти без боя из окружения невозможно. Нам остаётся прорвать кольцо в самом слабом звене, — возразил спокойно другой.

Герман молчал.

— Александр Викторович! Сейчас вернулась бригадная разведка и доложила, что в деревне Житницы немцев нет, — сказал заместитель комбрига по разведке Панчевый.

— Правильно, надо идти на юг, в Ругодевские леса, — поддержали все командиры.

— Мнение начальника штаба? — обратился Герман к Крылову.

— За предложение командиров — идти через Житницы.

Все ждали приказа комбрига, который сосредоточенно смотрел на карту.

— Итак, идём на юг, в Ругодевские леса. Примем самолёты, пополнимся боеприпасами, отправим в тыл раненых и снова в бой, — комбриг начал ставить боевую задачу на марш.

С наступлением темноты полки и отряды потянулись к месту сбора бригады. Командиры проверяли готовность своих подразделений к предстоящему бою. Старшины ещё

раз пересчитывали патроны из неприкосновенного запаса и раздавали их бойцам.

Герман пошёл к головному, 3-му полку, которому предстояло первому атаковать врага на случай встречи с ним.

— Ну, как, хуляковцы? Готовы к тяжёлому маршу? — улыбаясь, спросил Герман.

— Товарищ комбриг! Сегодня нам будет легко в пути, — с ехидной иронией в голосе ответил один партизан.

Комбриг понимал, о чём говорил боец: люди вторые сутки ничего не ели. Лицо его стало суровым, он задумался, пошёл дальше.

— Партизанская «гвардия»? — так Герман в шутку называл 11-й штабной отряд, состоявший из молодых ребят, которым едва перевалило за 18—20 лет, из которых два года были отданы жестокой войне в тылу врага. — Дойдёт ли черёд до вас на случай боя? — шутя спросил комбриг.

— А мы ударим без очереди, — отшутились «гвардейцы».

— Метёлкин, не много ли у тебя навешано значков на груди? — обратился Герман к молодому пулемётчику, у которого вся грудь была в советских значках.

— Никак нет, товарищ комбриг, думаю, что ещё некоторых не хватает, — его лицо засияло задорной улыбкой, а глаза лукаво посмотрели на орден боевого Красного Знамени, золотом искрившийся на груди Германа.

Все понимающе переглянулись.

Дорога на Житницы спускалась вниз. Головной полк быстро ушёл вперёд и замыкающим пришлось бежать. 3-й полк достиг дна лощины, раскинувшейся между деревнями Бараны и Житницы. Герман приказал остановиться. Из-за кустов мелкоколосья были видны трубы и крыши житницких изб. Конная разведка поскакала в деревню. Теперь идти было труднее: дорога пошла на подъём через густые заросли кустарника.

Люди шли осторожно, пружинившие ветки передавались из рук в

руки, притихли раненные, ездовые взяли лошадей под уздцы. Колонна бригады подходила к подножью высоты, на которой раскинулось 9 изб деревни Житницы. Снова остановились, надо ждать возвращения разведки, посланной в деревню. Когда вся колонна подтянулась, наступила тишина. И вдруг автоматная очередь в деревне. За ней поднялась страшная пальба из всех видов лёгкого оружия.

В темноту ночи полетели ракеты, были видны силуэты конных разведчиков, на аллюре возвращающихся к бригаде.

Что же произошло в деревне Житницы? Откуда появились фашисты?

Когда несколько часов назад наша разведка проезжала деревню Житницы, там их не было. Но через свою агентуру немцам стало известно, что 3-я партизанская бригада будет прорываться из окружения именно здесь. Фашисты на автомашинах перебросили до батареи войск СС с артиллерией, миномётами и бронетанкетками. Опираясь на житницкую высоту, фашисты залегли по дорогам, преградив партизанам путь на юг сплошной линией в 4—5 километров по фронту.

Врагу удалось скрыть этот манёвр от партизанской разведки.

Каменные подвалы изб деревни были превращены в доты, которые изрыгали лавину огня. Особенно свирепствовал тяжёлый пулемёт, поставленный в подвале крайней избы, где размещался штаб карателей. Готовились к бою артиллерийская батарея и бронетанкетки, из-за деревни открыла огонь миномётная батарея. К техническому превосходству немцев прибавлялась выгодность занимаемых позиций: враг засел на высотах и дорогах. Партизаны же залегли в мелких кустах у подножья Житницкой высоты.

Единственным спасением для партизан была стремительная атака, поэтому Герман послал Гришу Лемешко к Худякову с приказом немедленно вернуться всем полком в

немецкий гарнизон и уничтожить его.

Худяков — человек высокой армейской дисциплины и большой личной храбрости — поднял свой 3-й полк и повёл в атаку на Житницы.

Полк с криками «ура» ворвался в Житницы. Фашисты не выдержали, бежали из деревни на её окраины, цеплялись за укреплённые сопки и овраги.

Немецкая артиллерийская батарея, расположенная в деревне, не успела открыть огонь — была подавлена худяковцами. Такая же участь постигла бронетанкетки и автомашины врага, которые были объаты пламенем. Миномётная батарея врага, расположенная за де-

ревней, перенесла огонь по атакующим, но скоро и она была уничтожена партизанскими гранатами. Путь для выхода бригады был пробит.

Но атака 3-го полка была настолько стремительной, что следовавший за ним 4-й полк, сформированный из новичков, замялся и отстал от хуляковцев. Немцы воспользовались этой заминкой и снова заняли всю деревню. Бригада была рассеяна на две части.

Когда Ефимов поднял свой 4-й полк в атаку, она быстро захлебнулась под ураганным пулемётным огнём врага. Нависла угроза провала всей операции и гибели партизанского соединения.

Вот тогда-то и появился у залёгших цепей партизанский комбриг Александр Герман.

— Костя! Штабной отряд ко мне! — дал он команду Гвоздеву. Молодёжный отряд, следовавший на марше за 4-м полком, быстро занял исходное положение для атаки впереди ефимовцев.

— Орлы, вперёд! Я с вами! — с этим кличем Герман лично повёл в атаку партизанскую «гвардию», а за ней поднялся и полк Ефимова.

Их атаку поддерживали другие полки бригады, которые обхватывали врага с флангов. Бой закипел с новой силой. В воздухе повисло разноцветное кружево линий трассирующих пуль, оно то и дело рвалось на куски яркими вспышками красных, зелёных и белых ракет. Частые взрывы гранат взметали ввысь фонтаны огня и земли.

На фоне горевшей деревни была отчётливо видна высокая фигура комбрига с маузером в руке. От быстрого бега полы его плаща широко разлетались в стороны, и силуэт Германа был похож на силуэт орла с распластанными могучими крыльями. Люди шли в атаку и боялись потерять из виду этот силуэт. Боялись не за себя...

Не отставая от своего командира, шёл в атаку Гриша Лемешко. Он нёс смерть врагу, засевшему в маленькой деревеньке, затерявшейся в лесах и холмах Порховщины,

в Житницы, которая теперь стала для тысяч советских патриотов воплощением понятия Родины; освобождая Житницы, он нёс свободу родной Украине. Он быстро бежал, но вдруг резко остановился и, покачнувшись, упал на землю.

— Александр Викторович! Я ранен, — виновато сказал Гриша, закрывая ладонями окровавленное лицо.

— Гриша, братишка, иди в санчасть, — бросил ему на ходу Герман. — Шура, помоги ему! — приказал комбриг санитарке Кузнеченко.

Подав Грише бинт, девушка побежала к Герману.

— Как Гриша? — спросил он у Шуры.

— Лёгкое ранение в лицо.

— Жаль парня, — и Герман ухватился рукой за бок, его стройная фигура согнулась, на лице боль.

— Что с вами? — тревожно спросил его Воскресенский.

— Пустяк, царапина, — ответил Герман и сел на землю. — Только никому ни слова, — добавил он, вытирая окровавленную руку.

Шура Кузнеченко быстро перевязала осколочную рану, комбриг хотел встать, но не мог.

— Шура, помоги подняться, — комбриг снова устремился вперёд. Но идти быстро не мог: сапог был полон крови, каждый шаг вызывал нестерпимую боль.

— Александр Викторович! Вы ранены в ногу? Давайте перевяжу.

— После боя.

— Товарищ комбриг! Крылов ранен, — подбежал Михаил Синельников.

— Тяжело?

— Нет, остался в строю.

— Почему же ты его бросил одного?

— Он прислал к вам, ведь Гриша ранен.

Комбриг во главе группы партизан подходил к горевшему сараю на северной окраине деревни. Всё было видно, как на ладони.

Враг не мог не узнать в высокой фигуре советского офицера командира партизан. Из подвала край-

ней избы застрочил тяжёлый немецкий пулемёт. Комбриг шёл прямо на вражескую огневую точку. Пулемётчик Метёлкин, шедший рядом с Германом, открыл огонь по врагу, но здесь же был ранен.

— Ребята, гранаты! — крикнул Герман, и, стреляя из маузера, вырвался вперёд.

Когда до врага оставалось несколько десятков метров, комбриг резко остановился и в следующий момент упал с окровавленной головой.

— За Родину! За Ленинград! — успел крикнуть партизанский комбриг.

...Через линию фронта, в далёкий советский тыл шло письмо. Тот же адрес, который так часто старательно выводил на конверте Александр Герман. Только на этот раз он был написан другой рукой.

«Дорогая Фаина Абрамовна.

Вы потеряли мужа. Я потерял одного из своих лучших друзей. ...Я ни разу в жизни не встречал ещё такого командира, каким был Саша.

...Можно сказать без преувеличения, что среди самых храбрых партизан его бригады он был са-

мым храбрым. Он никогда не сгибался под пулями, десятки раз водил своих партизан в рукопашные схватки и бил, бил немцев и предателей так, что их ужас охватывал при одном только имени его.

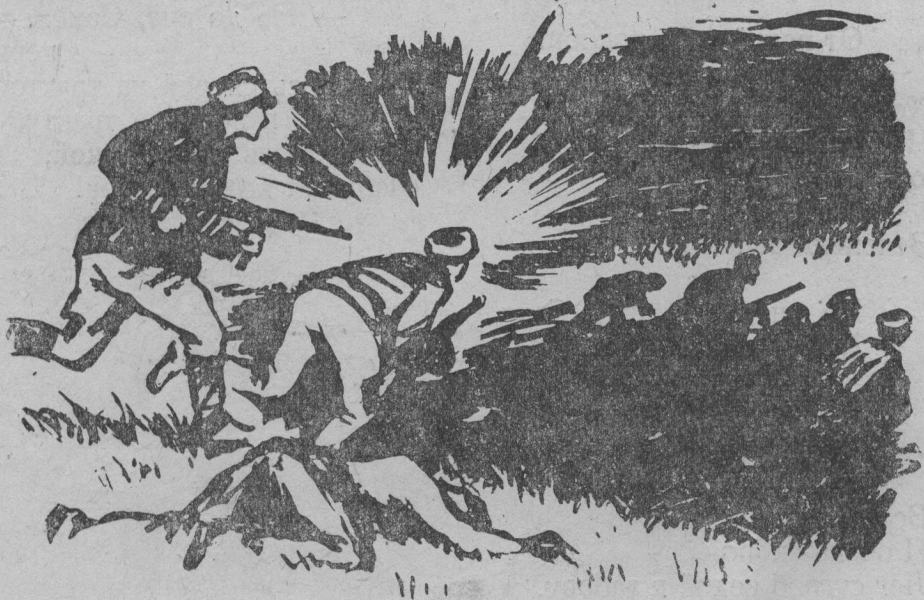
...Про него на Псковщине сложены песни, и когда их пели, он всегда смущённо улыбался. Их будут петь и после войны, и память о Саше — великая, светлая память — долго будет жить среди народа...

*Искренне преданный Вам
ст. л-т Калмыков А. Б.»*

Шло письмо в советский тыл. А во вражеском тылу шла в бой 3-я бригада ленинградских партизан имени Героя Советского Союза Александра Викторовича Германа. Мстя за любимого командира, в течение двух недель после его гибели германовцы истребили более двух тысяч солдат и офицеров врага, спустили под откос 4 вражеских эшелона, уничтожили 18 автомашин, самолёт, взорвали 9 мостов.

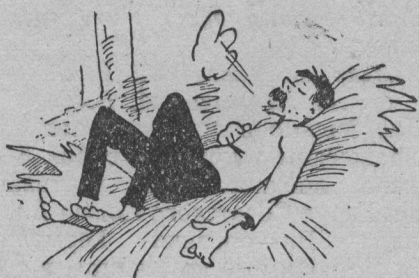
Шёл вместе со своими партизанами-героями бессмертный Александр Герман. Шёл к победе, о которой столько мечтал, так ждал.

В день Победы он был с нами.

Д В Е С К А З К И

Жил на свете дядя Сеня

Жил на свете дядя Сеня,
Сеня спал в сенях на сене,
А зимою на печи
Тёр боками кирпичи.

И однажды к Сене в сени
Ветерок влетел осенний:
— Здравствуй, дяденька
Семён,
От полей тебе поклон!

Хорошо бы, дядя Сеня,
Чтобы ты хлеба посеял,
Чтоб, под ветрами
звения,
Зеленели зеленя!

Но ни слова дядя Сеня,
Крепко спит в сенях
на сене.
Сто десятый видит сон.
Соня — дяденька Семён!

Ветер смолк,
И очень скоро
Лёг сугроб седой к забору,
Скрылись солнышка лучи,
Дядя Сеня — на печи!

Спит с рассвета
до рассвета.
За зимой весна и лето
Постучались в Сенин
дом —
Загремел над домом
гром...

Потянулся дядя Сеня
И скорей — на сено в сени,
Накурился табаку,
На другом лежит боку.

Спит во мраке, спит при
свете...
Вдруг влетает снова
ветер
И с петель срывает дверь:
— Не до сна, Семён, те-
перь!

Ты садись скорей на трактор,
Выезжай в поля по тракту,
В поле рожь стоит стеной,
Шелушит колосья зной!

Я и сам в полях блуждаю,
Урожаю
 угрожаю,
А потом придут дожди,
Тут не скажешь:
 «Подожди».

Но ни слова дядя Сеня,
Крепко спит в сенах на сене,
Раздаётся храп такой —
Сосны валит за рекой...

Но однажды дядя Сеня
Заворочался на сене,

Встал, зевая, — и в буфет,
А в буфете — крошки
 нет.

Почесал затылок Сеня.
Вдруг глядит: буханка в сенах
Покатилась на порог,
На порог у самых ног.

И, подпрыгнув на пороге,
Покатилась по дороге,
Прямо к речке
 под уклон...

Побежал за ней Семён!

Босиком, забыв умыться,
Вдоль деревни Сеня мчится
То с бугра, то на бугор,
Тоший, длинный, как багор...

А народ вослед хохочет:
— Вот лентяй,
 а есть-то хочет!
Ишь в ногах какая прыть,
Может «ЗИЛ» опередить!

А! Семён уж еле дышит,
Но буханка тоже тише
Покатилась в огород,
В огород, где лук растёт...

Дядя Сеня тянет руку,
Чтоб нарвать хотя бы
 луку,
Но у лодыря из рук
Ускользнул вихрастый
 лук...

В огороде беспорядок,
 Всё бежит
 с высоких грядок:
 И морковь
 И чеснок,
 Не жалея длинных ног...

А буханка между кольев
 Покатилась прямо в поле.
 В чистом поле, сделав круг,
 Закатилась вдруг на плуг.
 И кричит оттуда,
 с плуга:

— Говорю, Семён, как другу:
 Хочешь есть, —
 Работа есть —
 За штурвал на трактор сесть!

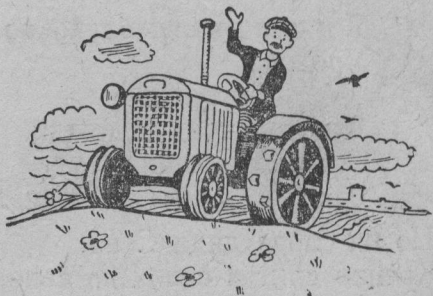
Хлеба, Сеня,
 Ты не сеял,
 Не пахал полей осенних
 И весенних не пахал,
 Ты на сене, Сеня, спал,
 А на лень надежды мало.

И коврига вдруг пропала...
 Только люди говорят:

— Это было год назад.
 А теперь в почёте Сеня,
 Он не спит в сенях
 на сене.

Из сеней тесовых вон
 Сено выбросил Семён.

Хорошо живётся Сене,
 Как избавился от лени.

Вот идут грузовики.
 — Принимай, Семён,
 мешки —

Трудодней твоих оплату!
 На, Семён, живи богато!
 У Семёнова двора
 Хлеба выросла гора.

Под шатром зелёным клёна
 Был я в доме у Семёна,
 Столько куплено конфет —
 Не поместятся в буфет!

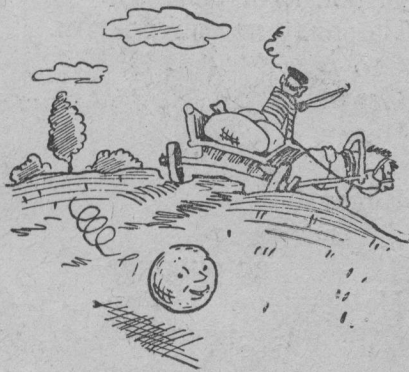
На столе, где было пусто,
 Пироги лежат с капустой,
 Хлеб пшеничный,
 Хлеб ржаной,
 Жирный окорок свиной.

По-иному зажил Сеня.
 Только утром в воскресенье
 Чуть подольше спит Семён,
 В воскресенье — Сенин сон.

А проходит воскресенье,
 На работе снова Сеня.
 Остальные дни — труду,
 Сеня с ленью не в ладу!

Горошина

Вёз дед горох на лошади
И потерял горошину.
Сто вёрст она катилась,
Не остановилась.
Увидал её петух
И во весь пустился дух
Догонять на улице.
С ним ещё три курицы...
Спряталась горошина
В стоге —
в травах скошенных.

Перерыл петух весь стог,
Отыскать её не смог.
Сеном запорошена,
Ночь спала горошина.
Утром встала рано
Посреди поляны,
Чисто вымылась в росе,
Покатилась по шоссе.
Сто вёрст катилась,
Не остановилась.
Вдруг за нею вслед, крича,
Полетели два грача.
Тот — моя!
Другой — моя!
А горошина — ничья.
Спряталась горошина
Меж травин взъерошенных.
Ночевала под кустом,
Под берёзовым листом.

Медведь проходил,
Чуть-чуть не раздавил...
Не уснуть горошине:
Страшен гость непрошенный.
Встала рано-рано
Посреди поляны,
Чисто вымылась в росе,
Покатилась по шоссе.
Сто вёрст катилась,
Не остановилась.
Прикатилась в детский сад,
Повстречала сто ребят!
Спряталась под лесенку
И запела песенку:
«В землю
Мягкую,
Хорошую
Посади меня,
Горошину.
Посади,
кто дружит
с грядками,

Угощу
стручками
сладкими!...»

Подбежало
сто ребят,
Посадить бы каждый рад,

Но уже
 горошина
 Лёшей в землю
 брошена.
 Долго в огороде
 Грунт рыхлил
 Володя.
 Поливала
 Танечка
 Грядки
 из стаканчика.
 А пололи грядку
 все!

Даже вымокли в росе...
 По соседству с клёном
 Вырос куст зелёный.
 На грядку прилёг бочком.
 Сто
 Стручков
 Висят
 на нём!
 Будет
 всем
 по одному —
 Не обидно
 никому!

Товарищ комсомол

Музыка В. Витлина

Слова И. Ринка

По зову Ленина в боях
 Он был на всех фронтах,
 В будёновке, в шинели,
 С винтовкою в руках.
 Тревожен, славен и тяжёл
 Тот путь, что он прошёл,
 Но не старится с годами
 Товарищ комсомол.
 По зову Партии в труде
 Он первым был везде —
 На Волхове, Амуре
 И в дальней Кулунде.

Заводов, городов и сёл
 Немало он возвёл,
 Но не старится с годами
 Товарищ комсомол.
 Хоть на груди его подряд
 Сияют пять наград,
 Он юным пионерам,
 Как прежде, друг и брат.
 Мы, дети городов и сёл,
 Питомцы светлых школ,
 Встать в ряды твои мечтаем,
 Товарищ комсомол!

Ноты см. на 2-й странице обложки.

„Илья Муромец“

РАССКАЗ

В БОЯХ под Брянском наши войска отходили на новые оборонительные рубежи. Путь их лежал через лесные дороги. На одной из огневых точек, прикрывавших отступление армии, был рядовой Василий Бушуев. Приказа он не нарушил: порученную позицию не покидал, и лишь когда пулемёт вышел из строя, подался в густую чащу лесов. Пробраться к своим не мог: все пути были отрезаны немцами.

Долго блуждал Василий в лесном лабиринте, пока не обнаружил узкую тропинку, змейкой пролегавшую между деревьев. По ней, видимо, давно никто не ходил, она покрылась курчавой травой и была еле заметной. Тропинка вывела Василия к озеру, на берегу которого возвышались груды развалин и кое-где торчали трубы русских печей да обуглившиеся столбы с оборванными проводами. Лёгкие струйки сизого дымаплыли ввысь. Вероятно, траге-

дия здесь произошла совсем недавно.

Василий видел людей, застывших в предсмертных муках. Вот в разодранном платье лежит ещё очень молодая женщина. К её груди, поджав под себя голые ножки, прильнул младенец. На спине его зияла штыковая рана.

Дальше Василий идти не мог: подкашивались ноги, спазмы сжимали горло. Он опустился на колени. Всё вокруг затуманилось и скрылось из глаз.

— Небось, родные? — слышался участливый голос.

Василий тотчас очнулся от забытья. Около него стояли вооружённые люди, облачённые в разнобразную одежду. Василий понял: перед ним были партизаны. Он с грустью посмотрел вокруг и тихо сказал:

— Здесь всё родное... погребено.

ВАСИЛИЙ с Андреем были неразлучны: детство и юность провели вместе в приволжском городке Покровске. Некоторое время работали грузчиками, а потом, окончив фабзавуч, плечом к плечу трудились на заводе. Вместе ушли на фронт. По их просьбе направлены были в одну часть.

Но недавно им пришлось расстаться. Андрей по распоряжению командования во время отхода наших войск остался с партизанами в тылу врага. И вот они встретились вновь.

Василий так же приветливо улыбался, хотя в этой улыбке сейчас больше было грусти, чем прежнего весёлого задора. Говорил, как всегда, мало, осторожно осматривался вокруг, когда хотел сесть, точно боялся тяжестью своего тела разрушить мебель. Но было в нём и что-то новое, он что-то вынашивал в себе, переживал. И только когда он рассказал об ужасном кладбище неизвестной деревни, Андрей понял: Василий из тихого, по натуре миролюбивого человека перерождался в грозного воина.

В ОТРЯДЕ почти каждый имел прозвище. Давалось оно или по внешним особенностям вступающих в партизаны, или по их способностям. Семнадцатилетний Петя Грязнов за меткую стрельбу из винтовки назван был Снайпером; дядя Игнат, отпустивший большую рыжую бороду, получил имя Борода. Меньше всего думали над присвоением имени Василию Бушуеву. Борода предложил назвать его Ильёй Муромцем. И, глядя на саженную мускулистую фигуру Василия и его добродушно улыбающееся лицо, партизаны не возражали.

С бойцами Василий был дружен и пользовался среди них уважением.

Вскоре он прослыл как отважный разведчик. Андрей давал ему ответственные задания, чаще ночные.

— Днём опасно, — пояснял он, — фигура твоя внушительная. В неё

любой дряхленький фриц, не целясь, пулю влепит.

Чаще всего Василий ходил за «языком». И иногда приносил гитлеровцев на своих могучих плечах мёртвыми. Последний раз таким «языком» оказался ефрейтор.

— Опять убил? — строго спросил командир.

Переминаясь с ноги на ногу, как ребёнок, провинившийся перед родителями, Илья Муромец оправдывался:

— Извини... не рассчитал, значит. Хотел его только из сознания вывести, чтоб не брыкался, а он уж и того... — И Василий ощупал ефрейтора, недоумевая, как это «язык» скончался.

Илья Муромец был неуловим. Появлялся обычно там, где его меньше всего ожидали, и, уничтожая зазевавшихся врагов, бесследно исчезал. Матёрые гитлеровцы приходили в ярость. Особенно взбесило их недавнее столкновение Василия с солдатами из отряда СС. Илья Муромец очутился в ловушке, но...

Расскажем всё по порядку.

Немцы прочёсывали лес. Небольшая группа партизан оказалась окружённой в просеке. В неравном бою пали отважные воины. Василий остался в живых единственным. Он залёг в ложбине и метким огнём сдерживал натиск врага. Но вот автомат замолчал: кончились патроны. Настала ледяная тишина. Из-за деревьев поползли тёмные фигуры...

— Рус, сдавайся! — слышался неподалёку оклик.

«Живым хотят взять. Как бы не так!» — До последней минуты, как НЗ, берёт Василий связку гранат. Теперь время настало. Он поднялся на колени и со всей силой метнул гранаты в цепь неприятеля.

Вздрогнула земля. Фашисты бросились кто куда. Над просекой повисло тёмное облако пыли. Медлить нельзя. Василий решительно бросился в эту чёрную брешь, и враги не успели опомниться, как он скрылся в лесу.

АНДРЕЙ, установивший строгую дисциплину, в редких случаях отпускал бойцов в сёла по личным делам. Василию же почти ежедневно, как только наступало затишье, чаще ранним утром, разрешал отлучаться. При этом, улыбаясь, шутил:

— Гроза Боксёров, говоришь, научил уму-разуму? — и, ударяя друга по плечу, добавлял: — Иди. Но через час чтоб здесь был.

Любопытство бойцов росло с каждым днём: куда ходит Илья Муромец?

Как-то раз Петя Грязнов подследил за Василием и не замедлил всем рассказать о том, что увидел.

В глубине леса, километрах в двух — трёх от отряда, стоял сухой дуб. К его сучьям ремнями был прикреплён мешок, плотно набитый чем-то тяжёлым. Петя видел своими глазами, как Илья Муромец снял гимнастёрку, подошёл к дубу и долго своими кулачищами бил по этому мешку. Мешок так прыгал из стороны в сторону, что, казалось, мог сорваться и улететь неведомо куда. Затем силач пошёл к озеру, выкупался и направился в обратный путь.

Бойцы любили слушать своего весёлого командира Андрея, знавшего много смешных историй, интересных событий, приключений, вычитанных им из книг. Теперь они осаждали его просьбой рассказать о причинах страстного увлечения Ильи Муромца необычным спортом. Андрей обещал выполнить их просьбу, но сделать это как-то не удавалось: то он был занят, то среди слушателей находился Василий, а при нём не всё можно было говорить.

Наконец удобный момент настал.

Бойцы только что возвратились из боевой операции. Василий отправился в лес «подраться с мешком» (так шуточно говорили в отряде).

Рассевшись, кто на скамейке, кто на полу, партизаны притихли. Не говорили ни слова, но было ясно: все приготовились слушать обещанный рассказ.

— Когда-то, в годы нэпа, — начал свои воспоминания Андрей, —

в центре небольшого городка Поволжья, в нескольких шагах от Волги находился базар. С утра до позднего вечера здесь шумела толпа торгашей и покупателей. На самом видном месте стоял трактир. Это заведение славилось «русской горькой», разнообразной жирной закуской и игрой слепого гармониста на саратовской двухрядке. Сюда-то после окончания торговли и собирались любители кутежей. Пили водку всю ночь, до одурения. И часто в минуты скандалов пьяницы кичились своей силой, брали друг друга за горло. Столкновения нередко заканчивались дракой.

В таких случаях завсегдатаи трактира, волжские грузчики, выделяли из своей среды судью, определяли условия поединка — лежачего не бить, назначали место побоища — берег Волги, расположенный против базара, по другую сторону городка. И нередко полусонные сторожа частных базарных лавочек видели, как на рассвете пьяная ватага весело направлялась к Волге на любопытное зрелище.

Непобедимым среди кулачников признан был семнадцатилетний Васька Бушуев. Этот самородок обладал невероятной силой. Однажды в болоте застряла подвода, доверху нагруженная сеном. Извозчик беспомощно бегал вокруг, бил лошадь, кричал, но тщетно: колёса засосало в грязь, и телега не двигалась с места. Случилось так, что мимо проходил Васька Бушуев. Увидев, как обессиленная лошадь свалилась на бок, он выругал извозчика, по вине которого она могла погибнуть, разулся и полез в болото. Выпряг бедное животное, поставил его на ноги. Затем, взявшись за оглобли, напруг все силы и выволок подводу на сухое место.

Василий не знал, где с пользой для дела может быть применена его сила, и поэтому охотно принял предложение работать на выгрузке барж.

Все грузчики уважали его и в то же время боялись, хотя он никогда никого не обидел, сам не задибался и всегда стоял в стороне от всяких дебошей.

Но однажды авторитет Васьки Бушуева потерпел крах.

Произошло это так.

В жаркий июльский день, в воскресенье, на пляже, расположенном на берегу Волги по другую сторону городка, собралась масса лю-

дей. Некоторые пришли отдохнуть, выкупаться, поваляться на песке, а другие — просто «поглазеть», надеясь быть свидетелями какого-либо происшествия, без которого не мыслится конец праздничного дня.

Внимание всех на этот раз привлекли боксёры, приехавшие в Покровск на гастроли. Боксёры только что выкупались и лежали на песке, предоставив на рассмотрение зевак свои мускулистые тела. Неподалёку от них расположилась шумная компания грузчиков. Жестяная большая кружка, ежеминутно наполнявшаяся до краёв водкой, переходила из рук в руки. Пили без закуски, быстро пьянели.

Васька Бушуев осушил четвертую кружку. Его голова, распалённая солнцем и алкоголем, клонилась ко сну. Он распластался на песке и, прикрыв мешком лицо и грудь, равномерно вздувавшуюся, как волжская волна, уснул. Его разбудил усилившийся галдёж: грузчики кричали на боксёров.

— Дар-р-моеды! — рычал Митька, прозванный за крикливость и заносчивость Горлопаном. — Публику чесну обманывать ездют. Подумаешь, невидаль: боксёры! Друг друга с ног сбивают для отвода глаз: сегодня, мол, ты меня, а завтра я. Знамо дело. Наш Васька один всех вас за пояс заткнёт.

Васька так вдарит, что и костей не сыщешь.

Широкоплечий, здоровенный дедина, выступавший в городе под именем Гроза Боксёров, встал и попытался скрыться в толпе.

— Сдрейфил! — взвизгнул Митька. — Тикать хочет. Держи его, братва!

Любители бокса, сбежавшиеся со всего пляжа, сомкнулись в неприступную стену. Гроза Боксёров окинул их злобным взглядом. На него подталкивали Ваську Бушуева. Кто-то посоветовал расширить круг, точно вопрос о предстоящем поединке уже решён. Мгновенно образовался своеобразный ринг, барьером которого служила людская масса.

Гроза Боксёров, видя, что освободиться от непрошенных зрителей не удастся, если их желание не будет удовлетворено, решительно двинулся к своей жертве.

Бокс продолжался недолго. Покровчане, естественно, «болели душой» за своего земляка и недружелюбно смотрели на боксёра. Васька Бушуев, к великому сожалению толпы, как вёслами, неуклюже махал руками и вдруг от ловкого удара противника рухнул навзничь.

Долго находился в кошмарном болезненном сне Васька Бушуев. Очнувшись, увидел около себя лишь друзей-собутыльников. Исчезли боксёры, разошлась публика.

Чувство стыда и злобы сделало его лицо страшным.

— Где он?! — зарычал Васька, и всем было ясно, что «он» — это Гроза Боксёров.

— Давай выпьем, — сказал Горлопан и, нагнувшись к Василию, протянул кружку.

Молча поднялся Васька Бушуев и со всего размаху своим кулачищем поддел Горлопана. Тот взвыл и, беспомощно цепляясь за песок, покатился под кручу.

Хмурый и разъярённый Васька направился домой. Он уже взбирался по диким камням, покрывавшим берег близ города, когда я догнал его.

— Что тебе? — сухо проговорил он, не глядя на меня. — Смеяться пришёл?

Я сказал, что над другом никогда не позволю смеяться, и убедил его, что он в стократ сильнее «Грозы».

— Беда в том, — сказал я, — что ты не знаешь приёмов кулачного боя.

Я предложил ему план мщения. По этому плану Василию прежде всего надо было заняться тренировкой по боксу, а затем где-нибудь я должен зацепить «Грозу», который безусловно отшвырнул бы меня. Выступив в защиту, Василий изуродовал бы своего врага.

Василий планом остался доволен.

— Но «изуродовать» «Грозу» так и не удалось, — закончил свой рассказ Андрей, — боксёры через неделю выехали в другой город. Зато Василий стал посещать Дом физкультуры и так увлёкся спортом, что он для него стал необходимостью, как больному лекарство.

СЛАВА об Илье Муромце прошла по всему фронту. Немецкие солдаты, боясь встретиться с ним, неохотно выполняли приказы своих командиров, если приходилось ночью стоять на посту или идти в разведку. По всем близлежащим сёлам русскому населению было объявлено, что тому, кто поможет поймать партизана под кличкой «Илья Муромец», немецкое командование даст вознаграждение — 10.000 рублей и корову.

Но не нашлись предатели среди русских, хотя многие знали место стоянки партизан, среди которых был Василий Бушуев.

Немецкие офицеры негодовали. Обер-лейтенант, известный боксёр из Берлина Ганс Буш, во время одной из попок хвастливо заявил, что Илья Муромец — это обыкновенный пустоголовый русский мужик, и на большую сумму заключил пари со всей компанией офицеров, что он изловит его своими руками и приведёт в штаб.

Пять дней подряд Ганс Буш ходил со своей овчаркой по лесу, где,

как рассказывали его солдаты, орудовал иногда Илья Муромец. Но следов его не находил, возвращался озлобленный, выпивал одну-две бутылки рому, ложился спать.

И однажды случилось так.

Глубокой осенью 1942 года противник готовился к наступлению на один очень важный опорный пункт, обороняемый регулярными частями Красной Армии. Чтобы сорвать замысел врага, партизанам необходимо было узнать о численности и точном расположении немецких войск.

За «языком» был послан Илья Муромец.

Провожая его, Андрей предупредил:

— По голове бить запрещаю: мёртвые «языки» нам не нужны.

— Голова тут ни при чём, — ответил Василий и, хитро подмигнув, добавил: — я приметку имею: как фашистов правым кулаком успокаиваю, они не выдерживают, а ежели левым — ничего, отходят... Так я их теперь чуть чего — левым...

Стояла морозная ночь. Изредка, вырываясь из объятий косматых туч, просачивался лунный свет и на минуту обнажал покрытый шапкой инея лес, узкую просёлочную дорогу, сплошь усыпанную кочками оледеневшей грязи.

Всё вокруг Василию знакомо: не раз ходил он по этому лесу. Вот сейчас, в нескольких шагах, за оврагом, будет озеро. Обойти его? Лёд окреп, выдержит. Путь через озеро много ближе к цели. Но из осторожности Василий пошёл в обход, углубляясь в лес. Шёл тихо, напряжённо вглядываясь в темноту.

До села, где расположены немецкие части, оставалось не более двух километров. Где-то неподалёку должен стоять немецкий часовой. За ним-то и шёл Василий.

Справа от дороги раздался сухой, тихий треск: кто-то пробирался лесом и под ним ломались сучья. Василий плотно прижался к дереву и замер.

Вдруг позади залаяла ищейка. Она стремительно мчалась по следу. Василий бросился ей навстречу

и, как футбольный мяч, саданул её сапогом. Собака, взвизгнув, перевернулась в воздухе и утонула где-то в кустах. Перед Василием мгновенно предстал её хозяин.

Несколько секунд две огромные фигуры стояли молча, враждебно осматривая друг друга. В полутьме лиц не было видно, но каждый понял: предстояла суровая схватка.

— Эта овчарка была очень умной, — на правильном русском языке заговорил немец. — Я её выменял за хорошую русскую девушку...

Василий решительно сделал шаг вперёд. Немец выхватил браунинг, но от короткого молниеносного удара свалился с ног. Было слышно, как, побрякивая об оледеневшую землю, оружие покатило куда-то в сторону. Противник ловко подпрыгнул с земли и, защитив грудь выставленными вперёд кулаками, медленно двинулся на Василия.

Началась необычная борьба. В ночной тиши слышались глухие, тяжёлые удары, хруст ветвей и прерывистое, учащённое дыхание людей. Это было состязание советского воина и гитлеровца, ненавидящих один другого всеми силами души.

Каждый стремился взять противника живым. Поединок постепенно угасал. Боксёры, обессилев, нанесли всё более вялые удары. Наконец упал немец, а затем рядом, усталый и задыхающийся, свалился русский.

Придерживаясь за дерево, немец на четвереньках, украдкой, по-волчьи, подполз к Василию и, навалившись на него всей тяжестью своего тела, стал душить. Василий напряг все силы, сбросил с себя противника. Тот гулко ударился затылком о твёрдую, как гранит, землю и притих. Василий поднялся и шатающейся походкой подошёл к немцу.

— Вставай! — раздался приглушённый голос.

Немец не шевелился. Тишина. Слышен лишь лёгкий шёпот ветра, ударявшегося об оголённые сучья деревьев.

НЕ было случая, чтобы Илья Муромец пропадал всю ночь. Значит, случилось что-то. В отряде все были убеждены: он попал в руки врагов.

Андрей неподвижно сидел за столом. Спать не мог: мучили мрачные мысли. То он представлял костёр, на котором гитлеровцы жгли Василия, злорадно потешаясь над его страданиями, то казалось, что его пронзила вражеская пуля и теперь труп его где-то в овраге волки рвали на части.

Перед рассветом из дремотного состояния командира вывел постепенно усиливающийся шум: протискиваясь в узкие двери, сопровождаемый восторженным говором партизан, в штаб ввалился Илья Муромец. Свалил с плеч тяжёлую ношу, гулко, со стоном, шлёпнувшуюся о сырую землю. Сел на нары. Смахнул рукавом со лба пот.

— Живой! — командир обнял богатыря и поцеловал в губы.

— Спать, — только и сказал Василий и, во весь рост растянувшись на нарах, тотчас уснул.

ПЛЕННЫЙ, как выяснилось после, был Ганс Буш, в прошлом организатор крупных диверсионных актов в СССР. На допросе же он никаких показаний не давал, а лишь твердил:

— Я боксёр. Я прежде не имел поражений. Скажите: кем я побеждён?

— Ильёй Муромцем, — Андрей лукаво улыбнулся.

— Мои предположения оправдались, — сказал с дрожью в голосе Буш. — Как боец ринга, хочу пожать руку победителя... Вы разрешите с ним встретиться?

— Это можно, — ответил Андрей.

Василий спал весь день и не покинул бы нары до следующего утра, если б его не разбудил командир:

— Пора, Вася, вставай!

Кряхтя и потягиваясь, поднялся Илья Муромец.

— Пленный уж очень посмотреть на тебя желает. Верно, влюбился, — засмеялся Андрей и, обратившись к дежурному, стоявшему с автоматом наперевес, приказал:

— Ввести!

Через минуту на пороге показал-

ся Ганс Буш. Тусклый свет фонаря осветил его красное мускулистое лицо и остолбеневший, удивлённый взгляд. Василий, огорошенный неожиданностью не менее немца, молча и грузно шагнул вперёд, снова готовый начать поединок: перед ним стоял его давний противник — Гроза Боксёров.

Найдите!

(Загадочная картинка
А. Илючека)

— Миша, ты не нахо-
дил моей куклы?

— У меня у самого
Бобик и Жучка пропали.
Помогите найти их!

В. Дроздов

Рисунки И. Скоробогатова

«Ай-яй-яй!»

РАССКАЗ

ЧЕМУ я учил его? Да ничему. Он сам всё знал. Ходил с лайкой в лес почаще — вот и вся наука. Восьмимесячным щенком Чук впервые поднял молодых тетеревов с овса и стал их облаивать. Тогда же пошёл и за белкой.

Только однажды пришлось мне учить, скорее отучивать Чука. Ему тогда как раз полтора года исполнилось. Был жаркий июльский полдень. Мы еле тащились домой с тяжёлыми корзинками, полными земляники. Ведь по росе вышли — часов шесть назад. Успели до пояса вымокнуть и снова высохнуть. На вырубке, где собирали землянику, над нами вдоволь натешились овода и слепни, а по дороге в лесу основательно помучили комары.

Но когда мы, наконец, вышли в поля, то невольно приободрились — крылатые кровопийцы отстали: не выносят они горячего солнца, сильного ветра...

Поднимаемся по малоезженной полевой дороге. Впереди, конечно, Чук, за ним я, и за мной сынишка. По обеим сторонам дороги — стена дремучих трав. Когда-то давно этот холм

был распахан под пары, да так и оставлен. Не заборонённая земля лежит закаменевшими валами. Они буйно заросли ромашкой, бело-розовым шведским клевером, сурепкой, васильками, даже чертополохом.

Зато и запах же стоит над дорогой!

Но вот мы почти поднялись на вершину холма. Порыв ветра ударил в лицо, и тотчас Чук наставил уши, весь напрягся... Кажется, что дорога упирается прямо в небо; стенки высокой травы по её краям, словно рамка видеоискателя, вырезали голубой квадрат.

И вдруг в самом центре этого кадра возникает небольшой белёх. Он замирает в каких-нибудь десяти шагах перед Чуком. Какой снимок! Но аппарата с собой, конечно, нет. Зайчишка, видимо, поднимался по дороге с другой стороны холма нам навстречу, а ветер дул сбоку...

Чук делает прыжок и, распутив хвост, просто стелется по земле. Он не лает, он визжит от восторга. Сплошное, ни на секунду не замолкающее «ай-яй-яй», «ай-яй-яй» едва поспевает за ним, так он несётся. Я бро-

саюсь вперёд, забыв про усталость. Длинные задние лапы помешают зайцу на спуске, под гору он полетит кувырком и Чук сможет его поймать!

Взбегаю на вершину холма как раз в тот момент, когда зверёк огромным скачком смётывает в сторону. Чук тоже прыгает, и мне кажется, что он схватил беляка на лету. Во всяком случае замолкло его повизгивание.

Нет! Нетерпеливое «ай-яй-яй», «ай-яй-яй» снова раздаётся под холмом. Вот уже к лесу покатались: серый комочек впереди, чёрный чуть сзади.

Я изо всех сил свищу особым, прерывистым призывным свистом. Сын кричит: «Чук, ко мне, ко мне!» Какое там! Оба — и беляк и лайка — скрываются в чаще леса.

Мы идём по следам, отпечатавшимся кое-где в дорожной пыли. Время от времени я повторяю свой призывный свист.

— Смотри, папа! — восклицает сынишка. — А ведь Чук-то схватил зайца! — Малыш протягивает мне небольшой кусочек заячьей шкурки. Он подобрал её как раз в том месте, где и беляк и пёс прыгнули с дороги в сторону.

Так вот почему на мгновение Чук перестал визжать!

Я рассказываю сыну, как выгодна беляку слабость его шкурки. Хищник, схвативший

было зайчишку, нередко остаётся с носом. Шкурка у беляка отрывается легко, бескровно и безболезненно, как хвост у ящерицы. А потом отрастает новая.

— Папа, а почему Чуку нельзя гонять зайцев?

— Потому что он не гончая, а лайка. Гончая всё время подаёт голос. По её лаю можно сообразить, где пробегает заяц. А лайка, пока видит зайца, визжит, потеряет из виду — замолчит. Трудно охотнику догадаться, куда поскакал зайчишка.

За другой дичью с лайкой, гоняющей зайцев, тоже охотиться трудно. Как только попадётся ей заячий след, бросит она искать белку, глухаря, куницу и давай гонять беляка.

Какая уж тут охота!

Я снова принимаюсь свистать Чука.

— Ко мне, ко мне! — надывается сынишка.

«Ай-яй-яй» что-то больше не слышно. В лесу Чук, наверное, потерял беляка из виду и замолк.

Сердцем я понимаю пса. Ну как было не броситься за зайчишкой, когда столкнулся с ним нос к носу? Будь я на месте пса, наверняка тоже не удержался бы, поскакал. И всё же надо отучить Чука от этой манеры. На зайцев он не должен обращать внимания. Ведь не трогает же кур и домашних гусей! Даже не смотрит в их сторону.

Я опять свищу. Вместе с сыном на разные голоса мы кричим:

— Ко мне, Чук, ко мне!

Он вырастает перед нами внезапно. Вид у него измученный. С языка капельками стекает слюна, бока тяжело раздуваются. Я даю ему маленький кусочек сахару (раз пришёл на свист — значит заслужил), а затем начинаю дрессировку. Прямо в нос сую заячью шкурку. «Фу-фу!» — восклицаю я самым сердитым тоном. Пёс смущён. В первое мгновение он даже хотел было схватить шкурку, «пожамкать» её. Но непрекращающееся «фу-фу», очень хорошо ему знакомое, делает своё дело. Чук прижимает уши, слегка приседает и тихонечко повиливает хвостом — извиняется.

Я продолжаю наступать. Беру его за ошейник, тыкаю носом в заячьи следы на дороге и всё повторяю своё «фу-фу».

Потом я кладу шкурку в карман и отпускаю Чука на свободу. И хотя пёс всё ещё тяжело дышит, он с радостью срывается — лишь бы убраться подальше от этих обидных «фу-фу» и «нельзя».

Однако уже через десять минут я опять подзываю его к себе условным свистом, даю малень-

кий кусочек сахару и снова повторяю весь урок с заячьей шкуркой. Пёс сконфужен. Он просто смотреть больше не может на эту проклятую шкурку.

Но и дома мы с сыном тоже не даём ему покоя. И завтра и послезавтра уроки повторяются.

ПРИШЛА осень, а с нею охотничья страда. Немало добыли мы с Чуком уже подросших глухарят, тетеревят, рябчиков... Вставали в три часа утра и ещё затемно уходили в лес, на болото.

Но однажды я спустил Чука с поводка. В ту же минуту какая-то лёгкая тень справа, всего в каких-нибудь двадцати шагах, метнулась с огорода в поле. Заяц! А до октября их стрелять нельзя: у зайчих в августе и сентябре ещё рождаются малыши — «листопаднички».

Только Чук ничего этого не знал. Он так и рванулся вдогонку за косым. Прыгнул... Но вдруг замер на месте, тоненько заскулил. Потом оглянулся, посмотрел на меня — наверно, попросил снять запрещение. Не прошла ему даром наша наука со шкуркой, не зря мы с сынишкой потрудились!

— Нельзя, «фу-фу», — я старался взять строгий тон, но невольно улыбнулся.

С чугуном на голове

РАССКАЗ

ЛЕСНИКА Василия Фёдоровича в Заречном все знают. Как только с ним встретишься, он что-либо такое сделает или расскажет, что потом диву даёшься и думаешь, как это всё у него смешно и забавно получается.

Острый на язык и дела своего мастер. Убить за один только год шестнадцать волков и трёх медведей не всякому охотнику случается!

Однажды Василий Фёдорович пришёл в Заречное в сельмаг.

— Чугуны есть? — спросил он у продавца.

— Есть, — ответил тот и поставил перед покупателем самый большой чугун.

— Ещё четыре! И разных размеров.

На длинном прилавке выстроились по ранжиру в ряд пять горшков — один лучше другого. Каждому Василий Фёдорович отпустил не по одному увесистому щелчку. Те чугуны, что стояли с правого фланга, гудели солидным басом, маленькие отзывались дискантом.

К гудению покупатель прислушивался.

— Беру все. Оптом.

Продавец, недоумевая, пожал плечами.

— Все так все. Мне не жалко.

Надев самый большой чугун себе на голову, а остальные под-

хватив под мышки, Василий Фёдорович вышел. Оставшиеся в магазине покупатели переглянулись, а Геннадий Носов, трубач духового оркестра, подумал: уж не собирается ли он организовать чугунный оркестр в нашем колхозе?

Василий Фёдорович пришёл домой. Жена его, Фрося, и сын Вовка ещё утром ушли в лес по ягоды. Довольный покупкой, он поставил самовар, и как только пузатый вскипел, тщательно вымыл чугуны и протёр их мешковиной насухо. Затем наполнил еловыми шишками, мхом, прелыми листьями и залил кипятком. С наружной стороны натёр пахучим зелёным папоротником. Отнёс в лес и спрятал в кустах, укрыв еловыми лапинами.

Фрося и Вовка вернулись с пустыми корзинками — они в малиннике видели медведя. Вовка долго рассказывал, как он первым заметил зверя, как Мишка, стоя на задних лапах, загребал малину себе в зубастую пасть и сладко почавкивал, а мама подумала, что это вовсе не медведь, а дедушка Пантелей.

Прошла неделя. Вовка с мамой ушли в Заречное купить новую ученическую форму. Василий Фёдорович идти отказался.

Только они ушли, он достал кусочек воска, натёр им руки, взял банку пчелиного мёда, шпа-

гат, снял с колодца цепь и ушёл в лес.

Чугуны потеряли магазинные запахи. Можно действовать. Обмотав сапоги душистой травой, вылив содержимое из чугуна на землю, с тяжёлой ношей Василий Фёдорович направился к малинникам. Недалеко от густой чащобы, в тени под берёзой выбрал он укромное местечко, расставил чугуны на расстоянии метра друг от друга и в каждый налил мёда. Осмотрелся. Залез на высокую, разлапистую ель и стал ждать.

Тишина. Ни звука. Только стрекозы, гоняясь друг за другом вокруг ели, шуршат лёгкими и прозрачными, как слюда, крылышками, да одинокий жаворонок, стремительно взмыв в небо, насвистывает знакомую всем песенку. Сломалась сухая валежина. Раздался треск. На солнцепёк вышел громадный медведь. Василий Фёдорович замер. Зверь потянул носом, посмотрел по сторонам, облизнулся и подошёл к чугунам. Ждёт. Вот он тщательно обнюхал самый большой горшок и... запустил в него когтистую лапу. Облизал её. Опять осмотрелся.

А потом сунул в чугунок лохматую голову.

Медведь вылизал мёд и не спеша перешёл к другому горшку. Голова его прошла свободно. Мишка, усердно работая

языком, сладко почавкивает. Потом повалил чугунок набок. На этот раз горшок повис на голове Топтыгина. Зацепившись когтями за кромку, зверь с силой рванул его от себя, и чугунок, слетев с головы, покатился в малинник.

Такое поведение незнакомого предмета озадачило медведя. Он тревожно прислушался. Но ничто не нарушало тишины леса.

Василий Фёдорович не дышал. Косолапый перешёл к третьему. Как же теперь поступит Топтыгин — ведь горлышко этого горшка ещё меньше, чем у двух первых? Зверь полез головою в чугунок. Но голова не входит. Неужели он сообразит, что это ловушка, и станет доставать мёд лапой и слизывать с неё, а Василию Фёдоровичу не солоно хлебавши придётся уйти? Нет. Топтыгин подналёг —

голова его скрылась в горшке. Медведь вылизал внутри мёд, а потом, немного помедлив, принялся снимать чугунок с головы. Цепкие когти зверя скользнули по чёрной глади. Края чугуна впились в шею. Медведь, встав на задние лапы, обнял передними горшок и начал сдирать его с головы. Упал косолапый на спину и задними лапами старается избавиться от ненавистного предмета. И опять ничего не выходит. Из всей силы рванул чугунок передними лапами. Больно

ему стало. Взревел, вскочил быстро и замотал из стороны в сторону чугунной башкой.

Спрыгнул на землю Василий Фёдорович. А Мишка снова упал на спину и опять пытается сорвать чугун с головы. Василий Фёдорович подкрался и опоясал шею зверя колодезной цепью. Свободный конец цепи накрепко привязал к стволу дерева. Попался Топтыгин!

Вечером трёхтонка с медведем, на голове которого всё ещё держался чугун, прошла через Заречное. За машиной бежали горластые ребяташки.

Сидя в кабине на коленях у отца, в новой ученической форме, Вовка кричал своим сверстникам:

— В город везём! В город! В зоопарк!

МУДРЫЕ МЫСЛИ

В ПЕРВЫЕ дни школьных занятий хочется напомнить вам несколько пословиц и поговорок. В них — крупницы векового народного опыта, народной мудрости...

«Чему Ваня не научился, того Иван не выучит». Понятно ли вам, ребята, о чем идёт здесь речь? Упустишь золотое время — потом, когда станешь взрослым, не наверстаешь!

«Учись доброму, так худое и на ум не пойдёт», — говорит народ. А чтобы учиться, надо быть внимательным и прилежным. На уроке, во время объяснения учителя, «держи уши пошире, а рот поууже». Не болтай! «Когда голова думает, язык отдыхает». «Поменьше говори, побольше услышишь».

Всякое дело, в том числе и ученье, требует труда: «не разгрызёшь ореха, так не съешь и ядра». Никакой успех не приходит сам. Недаром шутили раньше, что «пирог на кустах не растут».

С иронией и глубоким презрением говорил народ о лодырях: «Ты меня, работушка, не бойся,

я тебя не трону»; «проглотить-то хочется, да прожевать лень»; «лентяй и сидеть не устаёт, у него и работа в руках плесневает».

Бывает, соберётся человек сделать что-нибудь полезное, а потом отложит на завтра. Поговорки учат: «У «завтра» нет конца», одно «нынче» лучше двух «завтра», «откладывай безделье, а не откладывай дела».

Плохо получится и в том случае, если ты сразу берёшься за много дел: «за всё братья — ничего не сделать».

Главное в работе — умение. «Ведь не игла шьёт, а руки; не топор тешет, а плотник».

И сейчас ко всем вам прямо относится такая поговорка: «Не стыдно не знать, стыдно не учиться». А в конце учебного года можно будет напомнить другую: «Не говори чему учился, а говори, что узнал». А ещё через несколько лет, когда вы станете большими, убедитесь в справедливости выражения: «чему учился, тому и пригодился».

В. БАХТИН

Человек летит в космос

Я НЕ ошибусь, если скажу, что вряд ли среди вас найдутся такие, которые не мечтали бы о полёте в мировое пространство! Изучить атмосферу, подняться ещё выше атмосферы и исследовать огромные хранилища природных богатств на других планетах для того, чтобы использовать их на благо человечества, разрешить споры учёных о существовании жизни на Марсе... Разве это не увлекательно?

Представим себе, что твоя мечта о полёте в мировое пространство сбылась. Ты — участник экспедиции в космос. Последние приготовления закончены, и вот уже заработали двигатели ракето-плана, космический корабль оторвался от стартовой площадки и понёсся ввысь, набирая скорость. В это время ты почувствуешь, что какая-то гигантская сила придавливает тебя к подушкам кресла. Тело делается необычайно тяжёлым, в 4—5 и более раз тяжелее обычного...

Да, таким будет ощущение космонавта. Дело в том, что если скорость для нас безвредна, — мы несёмся вместе с Землёй вокруг Солнца со скоростью 29,8 километра в секунду и не ощущаем её, — то уско-

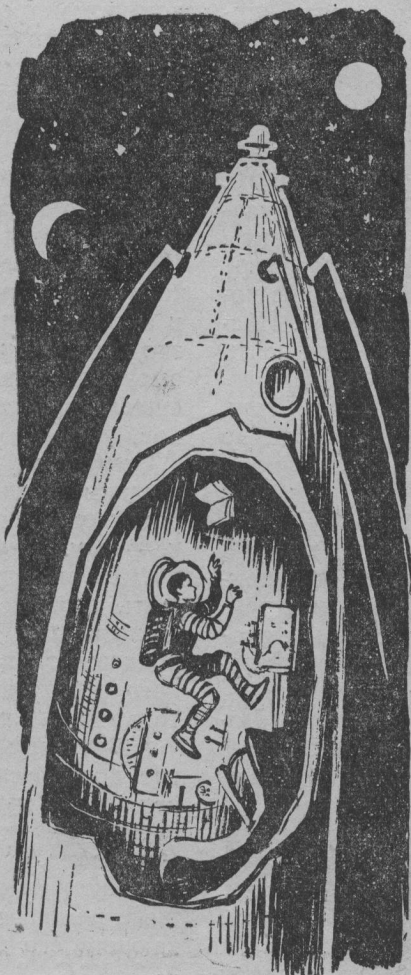
рение может быть опасным. Ускорение или резкое возрастание скорости увеличивает действие сил инерции.

Силы инерции ты не раз ощущал на себе. Трамвай резко тронулся с места — и тебя прижало к спинке сидения. Он затормозил — и тебя бросило вперёд. Но эти силы крошечные в сравнении с теми, которые будут действовать на космонавта. За несколько минут ракета на-

берёт скорость в тысячи раз большую, чем у трамвая. Выдержит ли наш организм такую огромную перегрузку?

Если космонавт вылетит с Земли головой вперёд, то ему станет трудно дышать, он даже может частично потерять зрение — кровь отольёт от головы к ногам. Ещё хуже вылетать ногами вперёд, так как кровь прильёт к головному мозгу. Легче всего переносится воздействие ускорения при боковом положении нашего тела к направлению движения.

Собака Лайка как раз и лежала в таком положении — поперёк контейнера. Когда второй спутник оторвался от Земли, частота дыхания и сердцебиения у Лайки возросли в 3—4 раза. А как только спутник

приобрёл постоянную скорость, сердце и дыхание стали работать нормально. Если у собаки не нарушилось здоровье при вылете с Земли, не нарушится оно и у человека.

Кроме того, будущие космонавты пройдут специальную тренировку. Их организм должен быть закалён и абсолютно здоров. Проверено, что люди низкого роста и плотного телосложения легче переносят перегрузку. А вот курящие почувствуют себя значительно хуже при вылете.

...Но вот корабль набрал скорость. Ракетные двигатели остановились. Ты несёшься по инерции в мировом пространстве. Нет ускорения, поэтому нет и перегрузки. Ты не ощущаешь давящей тяжести. Можно отстегнуть ремни и сесть. Но что это? Ты захотел сесть, повернулся и... отделился от кресла, повис в воздухе кабины. Захотел взять книгу, но она «плавает» по кабине... Все предметы и сам человек, освобождённые от земного тяготения, потеряли вес.

Не очень-то приятным будет это состояние. Надо быть терпеливым, чтобы в состоянии невесомости заново учиться ходить, есть, пить. Ведь пища и питьё тоже потеряют вес, их придётся вводить в рот с помощью специальных приборов. Пассажиры космического корабля почти уподобятся младенцам.

Впрочем, можно сделать так, чтобы невесомость ощущалась не всё время полёта. Когда космолан выйдет на свою орбиту, двигатели заставят кабину вращаться — разовьётся центробежная сила, которая заменит силу тяжести. Можно также пользоваться специальными присосками, обувью с железными подошвами, которые будут притягиваться намагниченным полом кабины.

А человеческий организм? Поставляется ли он от невесомости? Благодаря повышению возбудимости особого аппарата, который находится во внутреннем ухе (вестибулярного аппарата), космонавты будут испытывать такое же чувство, как при сильной морской качке. Для того чтобы не испытать этих неприятных ощущений, космонавты

пройдут перед полётом тренировку. Ведь бывалых моряков и лётчиков не укачивает.

Перед полётом ты наденешь на себя особый межпланетный скафандр — непроницаемый для воздуха костюм — и не снимешь его до конца путешествия. Скафандр и герметичная, наглухо отделённая от безвоздушного мирового пространства кабина — твоя защита.

Ты, конечно, не замечаешь, что на Земле на каждый квадратный сантиметр твоего тела давят 1013 граммов атмосферы, потому что этому давлению противостоит такое же давление изнутри твоего тела. В безвоздушном пространстве, где полетит межпланетный корабль, атмосферного давления нет. Поэтому если кабина не будет герметичной, то уже на высоте в несколько десятков километров кровь в теле космонавта закипит, а на очень большой высоте его может даже разорвать давлением изнутри, как рыбу, быстро вытащенную из глубины на сушу.

Как же будет себя чувствовать пассажир в кабине, наглухо закупоренной, отделённой от всего мира? Да так же, как на Земле. Питаться концентратами, очень питательными и богатыми витаминами. Возможно, это будет пеммикан — еда североамериканских индейцев: паста из сушёного мяса, жира и ягодных соков.

Стальные бомбы, наполненные жидким кислородом, будут его испарять ровно столько, сколько нужно человеку. А углекислый газ, выделяемый при дыхании, станут поглощать особые химические вещества. Приятную и ровную температуру поддержат приборы принудительного охлаждения. Почему принудительного? А вот почему.

На тех высотах, на которых полетит космический корабль, действие солнечных лучей и огромная скорость создадут опасность перегрева. Если самолёт летит со скоростью в 3000 километров в час при окружающей температуре — 56°С, то обтекающий его воздух нагревается до + 3000°С. А есть предположение,

что космический корабль полетит со скоростью света — 300.000 километров в секунду! Если не будет приборов принудительного охлаждения, космонавт, попросту говоря, сварится.

Я ещё не сказал о качествах характера, которыми должен обладать каждый космонавт. Представь себе, что случилось несчастье. Несмотря на защитные экраны и радиолокацию, корабль столкнулся с метеоритом. Он летит с колоссальной скоростью. Какая-то крошка — всего 1 грамм метеорита — выбьет из кабины 5 килограммов вещества! Какая твёрдая воля, мужество понадобятся от пилота, чтобы не растеряться и устранить повреждение!

Ещё опаснее встреча с космическими лучами. Это частицы ядерной энергии. Они ионизируют воздух, то есть разбивают атомы воздуха на отрицательно и положительно заря-

женные частицы — ионы. Так как земля окружена атмосферой, то она задерживает наибольшую часть космических лучей. Но космоплан поднимется выше атмосферы. И космические лучи, проникнув внутрь тела космонавта, вызовут ионизацию воды. А тело взрослого человека на 65% состоит из воды. Ионизация воды, находящейся в организме, повлечёт за собой лучевую болезнь — распад тела на ионы. Это нарушит работу нервной системы, сердца и других органов. Для защиты от этих лучей придётся сделать корабль из особого металлического сплава.

Путешествие, о котором я рассказывал, не за горами.

Если ты останешься верен своей мечте, то, конечно, займёшь место в кабине межпланетного корабля и донесёшь в космос славу нашей Родины.

Где грибники?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Десять грибников бродят вокруг полянки, а грибов не видят.

2. САМАЯ ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

КОСОБОКИЙ деревянный домишко, в котором скрылся Цирил, одиноко ютился на самом краю Туречки. К нему не было даже дороги, только узкая, глубоко протоптанная тропка вилась между камнями. Как птичье гнездо, чудом держался он на круче, нависшей над речкой.

Гриша давно заметил, что словаки дорожат каждым метром пашни и строятся в самых неудобных местах, только бы выгадать клочок земли под огород или сад. Он видел дома на голых скалах, в тесных ущельях, на стремнинах, куда ведёт

лишь узкая, чуть приметная тропинка. Но такое «ласточкино гнездо» встретил впервые. Мало того, что под кручу, на которой повис домишко, дни и ночи подкапывается холодная бурная речка, так ещё и сверху нависла не меньшая опасность. Словно отрубленный взмахом огромного топора, вздымался над узеньким двориком высокий гранитный утёс, с вершины которого большим тяжёлым козырьком свисала над домом каменная глыба. Посредине глыбы, покрытой бог весть откуда взявшейся землёй, росла старая развесистая ель. Под её густыми, тяжёлыми ветвями и простоял Гриша остаток ночи.

Гриша видел, что Цирил вбежал в домик под скалой. Но сам пойти туда не решился, потому что слышал во дворе голоса мужчин и женщин. В полночь во дворе никого не стало. Но Гриша не знал, остался ли кто из посторонних в доме. Поэтому решил ждать утра, когда из дому выйдет Цирил и можно будет поговорить с ним один на один.

Продолжение. Начало см. в «Искорке» № 8 за 1958 г.

Краткое содержание первой главы

Григорий Кравцов бежал из фашистского лагеря смерти Бухенвальда. Он покаялся погибшему при побеге коммунисту-словаку Вацлаву Гудбе, пробраться в его родную деревню Туречка, найти Яна Ковача и сообщить ему, чтобы остерегались Цотана: он предатель. По заданию гардистов (словацкие фашисты) он ищет «валашку Яношика» — так называлась подпольная типография коммунистов. В последний момент Вацлав прошептал: — Если Ковача уже нет, найди...

Но фамилию умирающий произнёс так тихо, что Григорий не разобрал: Долговер или Многовер...

И вот Кравцов в Низких Татрах. Последняя ночь в горах. Посчастливилось найти пещеру, в которой можно удобно и безопасно провести ночь. Но среди ночи разбудил шорох. «Гардисты!» — мелькнула догадка. Пришлось покинуть удобную пещеру и спрятаться за камнями. Но появились не гардисты, а три мальчика. Из их разговора Григорий узнал, что их звали Тото, Ёжко и Цирил. Мальчики, оказывается, искали валашку Яношика. Гриша уже знал, что валашка в прямом смысле значило «топорик». В старые времена такие топорики были грозным оружием словаков, особенно в руках легендарного Яношика. В народе живёт поверье, что валашка, с которой воевал Яношик, спрятана где-то в горах. И вот ребята решили найти её.

Григорий почувствовал доверие к ребятам и уже хотел выйти к ним, но внизу послышался топот, затем звонкий девичий голос. Это была сестра Ёжко. Она работала у коменданта прислугой. Подбежав к костру, девушка быстро заговорила: — В Медзиброде партизаны убили коменданта, выпустили арестованных.

Ёжко стал уговаривать Божену (так звали девушку), чтобы она ушла и не выдавала их. Но девушка сказала, что она уже давно знает, что они бегут в эту пещеру и ищут валашку. А валашка уже давно найдена партизанами. Она сама слышала, как комендант, когда где-нибудь появится листовка, кричит: «Опять эта проклятая валашка!» Цирил ответил высокомерно: «Чудачка, это он совсем о другой валашке». Григорий насторожился.

Помолчав, Божена сказала: «Цирил, домой, твой отец ранен».

Ребята побежали из пещеры вниз. Григорий бросился вслед за ребятами...

Несколько раз Гриша задавал себе вопрос: правильно ли поступил, что пошёл за Цирилом, зная, какое в его доме несчастье? Но что было делать, если остальные ребята вместе с Боженой шумной гурьбой вбежали прямо в село.

Утро началось за круглой, лысой макушкой горы, похожей на арбуз, лежащий чёрным хвостиком вверх. Солнца ещё не было видно, а зелёная макушка уже вспыхнула золотым огнём. С этой горы утренний свет потоками хлынул в ущелье. Деревня сразу ожила, зашевелилась. Захлопали калитки, заскрипели двери хлевов. Потянуло запахом тёплого овечьего навоза. Гриша уже знал этот запах, присущий только словацким деревням, где крестьяне больше всего держат овец и коз. Овцы здесь дают не только мясо и

шерсть, но и молочную пищу. Из дворов по крутым извилистым тропам начали спускаться коровы, телята, овцы и козы. На дороге возле речки они собирались в небольшие стада и не спеша уходили за деревню, в горный лес.

Кое-где на крутых склонах, свободных от леса, появились косари. Там и тут на свежевыкошенных зелёных полянках и прогалинах, в расщелинах и на недоступных стремнинах стояли аккуратные, обвязанные лозой и придавленные камнями копны свежего сена.

На противоположном склоне ущелья зеленело с полсотни сенокосных полянок. Ни одна из них не превышала четверти гектара. Даже такие крутые склоны, где, казалось, невозможно устоять человеку, были выкошены, как бритвой. Вот на од-

ной полянке копна зашевелилась, словно не удержалась на крутизне, и стала сползать вниз, туда, где чернеет крыша воткнутого в кручу старого деревянного домика. Но странно: сползает копна не прямо под гору, а выбирает пологий, удобный спуск. Кто-то тянет её или толкает сзади?

Где-то рядом звякнули вёдра. Гриша глянул вниз, под скалу, и увидел Цирила, в одной рубашке и штанах выбежавшего во двор. Схватив под навесом вёдра и маленькое, подковой согнутое, коромысло, Цирил так быстро промчался вниз по тропе, что Гриша не успел спуститься на уступ, с которого можно было заговорить, не боясь постороннего глаза. И решил окликнуть мальчика, когда он станет подниматься.

Но Цирил возвратился не один. За ним шёл полный, одетый в светлый клетчатый костюм и серую фетровую шляпу, весёлый человек в пенсне. Розовое, как у ребёнка, улыбающееся лицо его показалось настолько добродушным, что Гриша даже подумал, не заговорить ли с ним: такой добряк не сделает зла, разве только проболтается.

— Пан Маречек, вы в Ружемберге не были, когда загорелась фабрика? — спросил Цирил, мелко сменя ногами и сгибаясь под тяжестью полных вёдер. — Вас не арестуют?

— Пока что хожу на воле, а дальше цо пан бог даст, — вздохнул Маречек и сразу стал грустным.

— А гардисты не станут допрашивать папу, пока не заживут ожоги да раны?

Тропинка увела Цирила и Маречека под скалу, и больше Гриша ничего не слышал.

Внизу за селом раздался гул мотора. Гриша вышел из-под ели. Из-за поворота скалы, у подошвы которой проходило неширокое шоссе, показалась грузовая машина. В кузове стояли гардисты с чёрными резиновыми дубинками в руках. Один из них, офицер, был в чёрном, с пистолетом на боку. Солдаты одеты в коричневую униформу. Они

вооружены винтовками. Солдаты бойко, хотя и недружно, поют. Потом вдруг смолкают: машина остановилась перед человеком, идущим из села. Два гардиста, соскочив с машины, ни слова не говоря, схватили его, заломили за спину руки и надели железные, сверкающие под солнцем, наручники. Вдвоём подняли его и, как мешок, бросили в кузов.

Эта новость уже летела по деревне. Началась суматоха. Особенно встревожились мужицны. Одни прятали и сжигали какие-то книги, газеты, другие, захватив узелок и наскоро попрощавшись с детьми, уходили в горы, в лес.

Машина шла всё медленнее и тяжелее, потому что дорога поднималась круто в гору. Кузов всё больше и больше обволакивал синий чад, словно машина загорелась и дымила. Гардисты больше не пели. И Грише их почти не было видно в густом чаду. Несколько раз машина почти совсем останавлива-

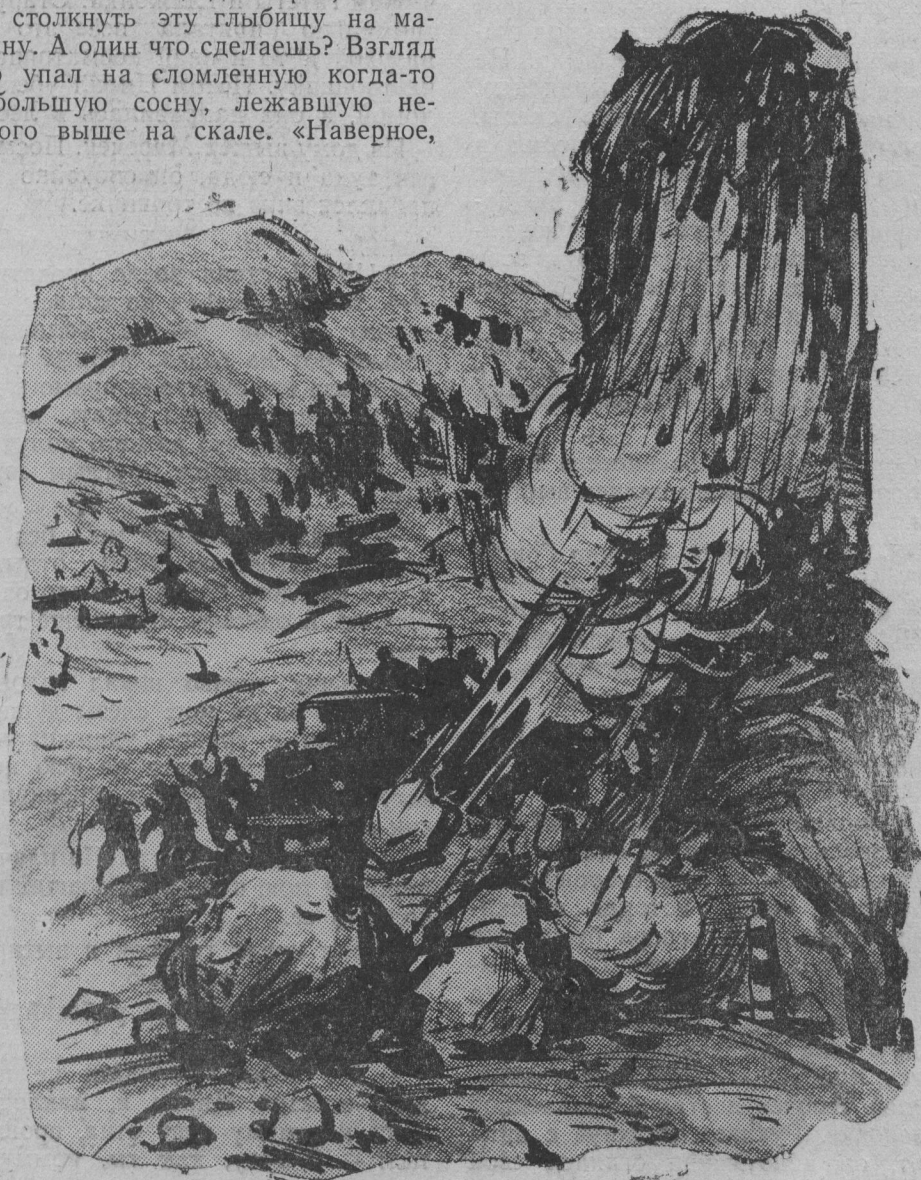
лась: шофёр переключал скорость.

Гриша, сам того не замечая, начал спускаться к дороге. И когда машина совсем подошла к скале, он уже стоял всего лишь метрах в двадцати над дорогой, извивающейся по дну ущелья.

Глянул в село — люди мечутся, суетятся, кто-то кого-то зовёт, плачут дети, визжат поросята, кудахтают куры.

Впереди, на краю обрыва, лежал огромный серый камень. Гриша с досадой посмотрел вокруг — ни души. Было бы ещё двое-трое, можно бы столкнуть эту глыбищу на машину. А один что сделаешь? Взгляд его упал на сломленную когда-то небольшую сосну, лежавшую немного выше на скале. «Наверное,

уже гнилая», — мелькнула мысль. Но всё же подбежал к ней, потрогал руками. Не рассыпалась, как это бывает с гнилым деревом. Повернул — держится. Ударил ногой — звенит. Значит, дерево ещё крепко. Взявшись обеими руками, приволок бревно на край скалы. Толстый конец подsunул под камень, нависший над дорогой. В метре от этого камня подложил под бревно другой ка-

мень, небольшой. И, повиснув на тонком конце бревна, начал его раскачивать.

Машину он теперь больше не видел. Она гудела уже под самой скалой и, казалось, даже миновала то место, куда должен был полететь камень. Но Гриша всё же раскачивал и раскачивал бревно. Вдруг оно со всего размаху упало, словно выскочило из-под камня. Гриша, не удержавшись, ударился всей грудью о камни на скале. Но, не обращая внимания на боль и царапины, тут же вскочил и побежал, чтобы снова подложить бревно под камень. Но камня уже не было. На месте его зияла чёрная сырая яма. Гриша подбежал к краю скалы. Целый водопад камней, щебня и песка с шумом и грохотом катился вниз, на дорогу. А машина, не доехавшая до опасного места, уже пятилась назад. Гардистов в кузове уже не было. Они стояли в безопасном месте и смотрели на обвал.

— Лешак понеси! — вслух выругался Гриша и, махнув рукой, с досадой подумал: «Только сильнее разозлил их».

Совсем рядом просвистела пуля, вторая. Внизу слышались выстрелы.

«Заметили, гады», — понял Гриша и, пригнувшись, пошёл по карнизу утёса на то место, где простоял ночь. — «Ну хоть задержал немного, люди успеют попрятаться», — мысленно успокаивал он себя.

Он не видел, что, как только кончился обвал, гардисты цепочкой побежали в село.

Возвращаясь под ель, Гриша снова невольно глянул на склоны гор, зеленевших по другую сторону села. Странная копна, которая спускалась с вершины, теперь была уже почти у подножья горы. Теперь было видно, что направлялась она прямо к домику, вросшему в гору. Вдруг она остановилась, развалилась, и из неё вынырнул маленький, сухой человек в старой засаленной спецовке. Рукавом смахнув с лица пот, он недоуменно оглядел свой двор, в котором уже хозяйничали

гардисты. Из окна дома выскочила женщина. Размахивая платком, она побежала по тропинке в гору. Железнодорожник растерялся. Но, заметив, что гардисты уже направились к нему, он прыгнул в расщелину и скрылся. Гардисты набросились на хозяйку и начали избивать резиновыми дубинками.

Во дворе под скалой тоже слышались голоса. Гриша спрятался под елью и смотрел вниз. За домом он увидел Цирила и маленькую, шуструю старушку. Цирил совал ей в руки газеты и книжонки. Старуха тщательно прятала всё это за пазухой и то и знай поглядывала на тропинку. Потом Цирил убежал домой, а она направилась в лес.

Из дому вышел Маречек. Посмотрев туда и сюда, он спокойно направился вниз по тропинке.

ЦИРИЛ стоял возле кровати и молча смотрел на отца, у которого из-под бинтов виднелись только рот да глаза. Чёрные суровые глаза его смотрели прямо в душу, словно он хотел узнать, каким вырастет сын, что из него получится, когда останется круглым сиротой.

— Два года... жили мы... без матери... — заговорил отец, отдыхая после каждого слова. — Было очень тяжело. А одному... будет ещё труднее.

Мальчик только кивал головой. Говорить он не мог: слёзы душили его, и он с трудом удерживался, чтобы не разреветься на всю комнату. Отец это видел и успокаивал, как мог.

— Сынок... Не плачь. Не плачь... Запомни мою просьбу и обещай выполнить её.

Цирил кивал головой и вытирал глаза мокрой ладонью.

— Работай. Честно работай всю жизнь.

— Не бойся. Воровать не пойду, — ответил Цирил и, наклонившись к самому лицу отца, прошептал: — Я буду, как ты, коммунистом.

Отец благодарно положил руку на лохматую голову сына. А тот продолжал ещё тише:

— Мне бы только найти валашку Яношика. Ты знаешь, где она? Скажи мне, скажи!

— Зачем тебе? — удивился отец.

— Бача* Франтишек говорил, что тот, кто найдёт валашку Яношика, станет таким же сильным, как сам Яношик.

— Ааа... — понимающе протянул отец и объяснил, что валашку Яношика может найти только тот, кто всей душой стоит за народ, кто готов делить с ним и труд, и борьбу, и страдания.

Цирил вдруг глянул в окно и закричал на всю комнату:

— Гардисты!

Он закрыл дверь и обеими руками ухватился за крючок.

— Я не пушу их. Они тебя убьют. Не пушу!

В дверь сеней застучали. Ещё и ещё. Отец позвал Цирила к себе.

— Сынок, выслушай меня хорошенько, — заговорил отец, превозмогая боль и слабость. — Я не думал, что они придут за мною, и не успел увидеть бачу. Передай ему...

Гардист постучал в окно и окликнул.

— Спокойно, Цирил! Не перепутай и не забудь...

— Говори, папа, говори!

* Бача — чабан.

— Скажи баче: если будут улики, всё возьму на себя. Повтори.

Цирил понял, что отец ради спасения товарищей обрекает себя на смерть. Но, глотая слёзы и задыхаясь, он повторил его слова.

— Открывай! А сам беги к баче Франтишеку. Это дело срочное. Беги!

Цирил бросился к отцу, зарыдал.

— Цирилко, беги! Беги, — отец погладил сына по голове. — Бача поможет тебе найти валашку Яношика. Ему ты можешь всё доверить... только ему...

— А Маречеку?

— Маречеку? — отец сморщился то ли от боли, то ли от какой-то неприятной мысли. — От Маречека держись подальше. Беги, Цирилко, беги!

ТОЛЬКО Маречек скрылся за скалой, во двор вбежали три гардиста. Один с винтовкой наизготовку встал на углу дома, а двое направились в сени. Дверь оказалась запертой. Постучали. Никто не ответил. Постучали ещё. Не открывают. Тогда один подошёл к окну и закричал:

— Ковач! Открывай! Ян Ковач!

...Ян Ковач? Отец Цирила — Ян Ковач? — раздвинув еловые ветки, Гриша вскинул винтовку...

В голове его мгновенно родился ясный, точно рассчитанный план: перестрелять гардистов, вбежать в

дом и с помощью Цирила увести Яна Ковача в лес...

Но стрелять было поздно: из сеней выскочил Цирил, а гардисты тем временем вошли в дом. Третий стоял на карауле за углом.

Несколько мгновений, которые показались вечностью, Гриша метался туда-сюда, не зная, что делать. Потом, укрываясь между елями и мелким кустарником, почти бегом пустился вниз.

ЦИРИЛ стремглав нёсся в верхний конец деревни, откуда лесная тропинка вела к шалашу бачи.

На середине деревни он увидел бегущего наперерез взлохмаченного Ёжу.

— Цирил! Цирил! Твоего отца гардисты повели! — задыхаясь, кричал Ёжо. — Я стоял на крыше и видел, как они...

Цирил остановился.

— Ты обознался. Отец не может ходить. У него перебиты ноги.

— Они его под руки тащили... Вдвоём.

— Ёжо! — Цирил судорожно ухватил друга за руку, как бы прося помощи, и, ничего больше не сказав, пустился обратно.

Ёжо последовал за ним.

Выбежав на край села и увидев гардистов, спускавшихся по тропинке к дороге, ребята остановились. Два верзилы в коричневой форме волокли под руки перебинтованного с головы до ног отца Цирила, а

третий с винтовкой наперевес шёл позади.

Дорога вилась по ущелью. С одной стороны её был обрыв к шумящей речке, с другой — круто поднималась гора, густо поросшая лесом. В километре от деревни ущелье расширялось и переходило в долину, которая вела к местечку Старе Горы и дальше к Банска-Бистрице. Но здесь, где стояли ребята, была самая узкая часть дороги, и старые буки, росшие по склону, всю её закрывали тенью своих развесистых ветвей.

— Цирил, — прошептал Ёжо, — давай спрячемся за деревом и забросаем их камнями.

— Что камень против винтовки! — отмахнулся Цирил и кинулся вверх по тропинке.

Подбежав к отцу, Цирил бросился ему на шею. Гардист, шедший справа, ударил Цирила пинком в бок. Цирил не смог даже вскрикнуть, изогнулся и сел на дороге. Ёжо решил, что друг его убит. Схватил камень и изо всех сил запустил в конвоира.

Шедший позади высокий, тонконогий гардист вскинул винтовку и прицелился в Ёжу.

Раздался выстрел. Тонконогий нелепо взмахнул винтовкой и упал поперёк дороги.

Конвоиры, ведшие арестованного, бросили Ковача и подбежали к своему сослуживцу...

Один за другим раздалились ещё два выстрела.

Ёжо наклонился над Цирилом, лежавшим с закрытыми глазами, стал его тормошить:

— Цирил, Цирил! — и вдруг закричал во весь голос: — Цирил!..

Уверенный, что Цирил убит, Ёжо хотел уже бежать в деревню, звать людей. Как вдруг Цирил сжал его руку. Ёжо обнял друга, помог ему сесть.

И только теперь они увидели всё, что произошло на дороге.

Почти рядом с ними, уткнувшись носом в дорожную пыль, лежал гардист, который минуту назад хотел застрелить Ёжу. Второй, который пнул Цирила, навзничь упал попе-

рёк дороги и, широко разбросав руки, лежал неподалёку. А третьего совсем не было видно. Винтовка его лежала на дороге, а сам он, видимо, свалился с обрыва в речку.

Ещё не понимая, что произошло, Цирил припал к отцу. Тот дышал тяжело, судорожно, точно ему не хватало воздуха. Но в глазах его, устремлённых куда-то в сторону от дороги, горела живая, радостная искра. Из последних усилий Ян Ковач приподнял руку и, указывая ею прямо перед собою, прошептал:

— Кто он? Если партизан, ответьте к баче...

Ребята посмотрели в сторону старого развесистого бука, выступившего на несколько метров из сплошной полосы леса и стоявшего, как сторож, у самой дороги. Под густой тёмно-зелёной листвой стоял высокий и худой юноша, с чёрным глубоким шрамом во всю левую щеку.

Не то от испуга, не то от удивления Цирил и Ёжо смотрели на незнакомца и молчали, словно потеряли дар речи.

— Товарища надо унести в лес, — деловито распорядился незнакомый, не совсем правильно выговаривая по-словацки.

Ёжо сразу осмелел и спросил:

— Кто вы?

— Русский.

Ребята вскочили и вытянули шеи, как гусята, в жаркий день увидевшие озеро.

— Рус... — шёпотом, в один голос, повторили они. — Рус...

Русский спустился на дорогу и склонился над Яном Ковачом.

Из села уже бежали женщины, дети.

— Гардисты идут! — крикнул Ёжо, когда Цирил и русский стали поднимать вдруг обмякшего Ковача.

Но русский ни на что не обращал внимания. Прильнув ухом к груди Ковача, он старался услышать биение сердца. Но, ничего не услышав, пощупал пульс на руке... Потом не спеша встал. Тяжело вздохнул и медленно, словно в полубытьи, стянул с головы рваную заячью шапочку.

Совсем рядом слышался топот кованых сапог гардистов. Прибежали три женщины и несколько ребятшек.

Цирил, упав на труп отца, рыдал, вздрагивая всем телом. А Ёжо, вцепившись в руку русского, тянул его в лес и умолял:

— Убегайте. Гардистов много. Убегайте!

Русский, не двигаясь с места, смотрел в открытые безжизненные глаза того, к кому он два месяца шёл таким трудным, далёким путём. На помощь Ёже подошла женщина в деревенской одежде и, умоляя уйти, потянула русского в узкое лесистое ущелье. В лесу, шепнув что-то Ёже, она торопливо вернулась назад.

ЁЖО вёл по лесу уверенно, как лесник. Видно было, что он знает здесь каждый пенёк, каждый пригорочек. Шёл он спорой, лёгкой походкой и всё время держал то одну, то другую руку в кармане. Причём, если одну вынимал, то другую тут же запускал в глубокий карман больших, отцовских, штанов.

— У тебя что, нет ремешка? — спросил русский.

— Был. Хороший, шахтёрский ремень, — охотно ответил мальчик. — Да я променял его на соль. Трудно теперь с солью.

Русский снял с себя широкий солдатский ремень и молча отдал.

— А сами вы как же? — удивился Ёжо, с радостью подпоясываясь на ходу.

— У меня штаны немецкие, на подтяжках. Ремень так только, для вида.

Когда прошли километра два и перевалили через лысую вершину горы, Ёжо предложил отдохнуть в густом еловом лесочке.

— Теперь не догонят, — махнул он в сторону дороги, откуда ещё доносились крики, ругань, стрекот мотоциклов.

Посмотрев на своего спутника, русский спросил, как его зовут.

— Ёжко, — охотно ответил мальчик.

— Ёжик, — повторил Гриша и провёл рукой по колючей чёрной щетине стриженных волос мальчика. — Ну, а меня зовут Гришка.

— Гришькоо, — певуче повторил Ёжо. — Гришькоо...

Услышав такое своеобразное произношение своего имени, Гриша невольно вспомнил старика Гудбу, его

просящий, предсмертный взгляд и такое же протяжное, певучее — «Гришькоо».

До сих пор Гриша Кравцов молча шёл за мальчиком-проводником и считал, что со смертью Яна Ковача пропала всякая надежда на то, что он выполнит просьбу погибшего коммуниста. Но как только всплыл перед ним образ Вацлава Гудбы, в нём снова пробудилась жажда деятельности. Надо что-то делать. Надо искать какой-то выход. Найти бы второго. Но как его зовут?..

При этой мысли Гриша судорожно, как утопающий, схватил проводника за плечо:

— Ты знаешь всех жителей своего села?

— А как же, — ответил Ёжо.

— Называй мне все фамилии по порядку. Только не пропусти ни одной, — потребовал Гриша, надеясь услышать фамилию, похожую на ту, которую назвал перед смертью Вацлав Гудба.

Но только назвал Ёжо две фамилии, как оба услышали тяжёлый топот и шумное дыхание запыхавшегося человека. Потянув проводника за рукав, Гриша скрылся под большой елью.

— Гришькоо, не бойся, — спокойно сказал Ёжо. — То наш бывший учитель, пан Маречек.

— Маречек? — удивился Гриша.

— Вы его знаете?

— Нет, откуда же, — уклонился Гриша. — Но лучше, чтобы он не видел нас вместе.

— Напрасно, — успокаивающе махнул Ёжо рукой. — Он самый добрый человек на свете.

Маречек вышел на поляну и, прищурив глаза, как это делают близорукие, когда что-нибудь разыскивают, внимательно осматрелся.

Одной рукой поправляя пенсне, а другой прижимая к себе свёрток, учитель стоял в нерешительности.

— Ёжо, ты поговори с ним, а я не буду показываться, — прошептал Гриша и подтолкнул проводника.

Ёжо вышел из-под густых ветвей старой ели, независимо прошёлся по опушке и только тогда направил-

ся к учителю, смотревшему в другую сторону.

— Ёжо! — громко и, как показалось Грише, нарочито удивлённо воскликнул Маречек. — Что ты здесь делаешь? Куда ты ходил?

— Да я так просто, гуляю.

— Гм.. — учитель поправил пенсне. — Нехорошее ты выбрал время для прогулки. Сейчас гардисты по лесу так и шарят.

— А чего им в лесу?

— Разве не знаешь? Советских парашютистов ищут. Ты вот что, прогуляй ещё, сходи к баче Франтишеку. И если встретишь советских ребят, передай им вот это.

Маречек вынул из кармана зелёную с чёрными отводами бумажку в сто крон.

— Если б знал, что ты с ними встретишься, дал бы больше. Только смотри, Ёжо, не проболтайся. А то нам обоим сразу припишут связь с партизанами. Ну, я побегу домой, пока никто не видел.

Маречек быстро отправился в сторону Туречки. Но на середине поляны остановился и добавил стоявшему на прежнем месте Ёже:

— Если встретишь парашютистов, скажи, пусть не боятся. Мы гардистов направили совсем в другую сторону, за Грон.

— Ладно, — кивнул Ёжо, но не двинулся с места, пока Маречек не скрылся в лесу под горой.

Когда отправились дальше, Гриша спросил:

— Не выдаст нас этот пан?

— Что вы! Он так ненавидит гардистов... У него очень большая семья, а то уже давно был бы в партизанах.

— Ты, кажется, сказал, что это бывший учитель? — вспомнил Гриша. — Он не работает или ты не учишься?

— Нас обоих выгнали из школы за одно и то же дело, — гордо улыбнулся Ёжо и охотно рассказал историю своего исключения.

Однажды от проходивших через село солдат Ёжо услышал загадку: «Кто за что воюет?» Придя в школу, он задал её ребятам. Прошло два урока, а никто не отгадал. То-

гда Ёжо сказал: — Русский воюет за Родину. Немец за фюрера. А словак за одну крону двадцать грошей в день.

Вместе с ответом он написал загадку на доске. Вошёл учитель, этот самый пан Маречек. Прочитал, улыбнулся и недолго думая всё стёр. Но директор об этом узнал. И на следующий день пан Маречек уже не был учителем, а Ёжо Спишак учеником.

— Вот ты, оказывается, какой! — выслушав рассказ, обрадовался Гриша. — С тобой можно на ходу подмётки рвать.

— Зачем рвать подмётки? — удивился Ёжо.

— Да это так говорят у нас про самых смелых.

— Тогда это лучше про Цирила. Он самый смелый. — Ёжо посмотрел по сторонам и добавил почти шёпотом: — Он знает, где спрятана вальшка Яношика.

— Да ну?

— Только я это одному вам. Поэтому, что вы — товарищ.

— Учитель помешал нам, называй дальше фамилии жителей вашей деревни, — снова попросил Гриша.

— Я говорил про Томашека и Седлака? Да? Это на самом верхнем конце. А дальше как раз — пан учитель, он Маречек.

Ёжо хитро прищурил правый глаз.

— Мне кажется, вы боитесь его. Зря, — и, придвинувшись, Ёжо добавил шёпотом: — Он ведь коммунист.

— Ты-то откуда знаешь?

— Знаю. Мы с Цирилом видели, как он в полночь приклеивал на стене листовку. Против Гитлера. Страшно запрещённая. За такую листовку у нас в школе можно выменять велосипедную камеру или даже лампу к радиоприёмнику. Это было сразу же, как он приехал. Он ведь не здешний. Его из Братиславы прислали уже в войну. До него у нас был старый учитель и очень злой.

— Так видели и никому не скажали?

— Мы ж не девчонки. Насчёт тайны у нас с Цирилом, как у Яношика.

— А кроме Маречека, в Туречке есть ещё коммунисты?

— У нас здесь все коммунисты! — выпалил Ёжо. И пояснил, что коммунистами всех жителей села называл сам комендант полиции пан Младек за то, что ни один парень из села не пошёл добровольно в гардисты.

Шли не спеша. Ёжо перечислил фамилии всех жителей деревни, но той, какую хотел услышать Гриша, не было. Теперь вся надежда оставалась на бачу. Старый человек скорее что-нибудь придумает.

В середине дня забрались в чащу, сели возле ручья, развернули свёрток учителя и пообедали хлебом с паприкашем. Решено было отдохнуть здесь до вечера, так как днём к баче могут прийти люди из села.

Показав на зеленевшую вдали лысую макушку горы, Ёжо сказал, что это и есть Крижна — гора, на которой стоит шалаш бачи Франтишека.

Крижна казалась отсюда совсем небольшой горой, вокруг которой на склонах и отрогах синели бесконечные густые леса. На выпуклой зелёной макушке, как бородавка на бритой голове великана, чернела огромная высокая скала.

Гриша принял её за развалины древнего замка, каких он немало встречал на горах Словакии. Подобно сторожевым псам, лежат они на самых красивых голях и скалах. Гриша слышал о них немало легенд и преданий, связанных с борьбой против турок и мадьярских феодалов, которые совсем ещё недавно были самыми жадными грабителями Словакии, Верховины и Моравии.

— Ёжо, я сам теперь дойду, — проследив мысленно путь до Крижны, заявил Гриша. — Ты возвращайся домой, а то влетит тебе от матери.

— Влетит? — Ёжо вздохнул и отвернулся.

— У тебя нет матери? Прости, я не знал.

— Она есть, да только хуже, чем нет. Она умом помешалась, — тихо сказал Ёжо. — Были б отец да мать, так Боженка не пошла б к коменданту. С нею даже подружки не разговаривают за то, что служит у такого гада.

— А пошла бы к кому другому? — скорее спросил, чем посоветовал Гриша.

— Уже не раз советовал ей. Я, говорит, сама знаю, что мне делать. Упрямая она у нас.

Гриша толком так и не понял, что же случилось с родителями его проводника, но не стал расспрашивать, чувствуя, что рассказывать об этом Ёже будет нелегко.

Заметив, что Гриша пристально смотрит на скалу, чернеющую на Крижне, Ёжо сказал:

— Это камень Яношика.

— Камень? — удивился Гриша.

— Так называют. Ты слышал про Яношика?

— Немножко.

— Говорят, он был такой большой, что сидел на этой скале запросто, как на камне. С этого камня он видел всё, что делается на земле. И как замечит, что где-то богатый обижает бедного, — сразу туда с хлопцами. И уж тогда держись, богачи!.. Вот с тех пор скала и называется Камнем Яношика. А видишь две берёзы растут на самой вершине скалы? Это он посадил, Яношик. Принёс полную шапку земли, высыпал на скалу и посадил два дерева. Конечно, это правда. А то как же они сами забрались бы на такую высоту?

Ёжо приостановился, осмотрелся, чтобы убедиться, что никого поблизости нет, и доверчиво прошептал Грише:

— А то я ещё слышал про валашку Яношика.

— Про валашку?

— Да. Говорят, она не в дереве, а в скале, в пещере. И караулят её орлы. — Ёжо помолчал, будто не решался говорить дальше, но потом, прищурив глаза и мечтательно гля-

дя вдаль, тихо добавил: — А люди найдут её. Всё равно найдут...

— Зачем же она теперь? — удивился Гриша. — Теперь же валашки не воюют.

— Ну и что ж, что не воюют. Она ведь волшебная, заменяет сто богатырей.

— Что ж, богатырь против пулемёта?! Да и валашка не щит, от пули не закроешься.

— Не так, — Ёжо свысока усмехнулся, что его не понимают. — Она совсем по-другому действует. Вот какой-нибудь партизанский отряд выступил против гардистов. Всего в отряде пять человек автоматчиков да пулемётчиков. А если командир возьмёт в руки волшебную ва-

лашку Яношика, то вместо пяти у него сразу станет пятьсот бойцов, и все с пулемётами да автоматами.

— Ну, если так, тогда совсем другое дело. Тогда надо искать её поскорее. Война не ждёт, — сказал Гриша таким тоном, будто бы всё принял за чистую монету.

У Ёжи чуть не сорвалось с языка: «найдем». Но он сдержался и уверенно ответил:

— Найдут. Скоро найдут. Тогда и Ёжко Тиссо и сам Гитлер зарывайся в могилу!

Говоря это, Ёжо не заметил лукавой, добродушной улыбки на лице Гриши. А Гриша положил ему руку на плечо, как младшего брата, притянул к себе и с грустью вздохнул:

— Что ж, Ёжик, давай вместе искать волшебную валашку Яношика.

Ёжо недоверчиво посмотрел ему в глаза, но тут же с готовностью ответил:

— Давайте. С вами найдём!

3. БАЧА ФРАНТИШЕК

СОЛНЦЕ зашло. Горы начали окутываться густым лиловым туманом, когда Гриша и Ёжо выбрались из березнячка и стали подниматься на лысую, поросшую мелкой травой, Крижну. Камень Яношика отсюда уже не казался грудой развалин. Он гордо, как столб, на котором держится небо, возвышался на выпуклой макушке горы. Только теперь Гриша рассмотрел берёзы, растущие на вершине легендарного утёса. Обнявшись, как две сиротевшие сестры, и склонив набок головы с распущенными зелёными косами, берёзы дремали. Внизу, над корнями, их косы переплетались. И здесь, в густой листве, как спелое яблоко, запуталась большая, только что родившаяся на тёмном небе звезда. Но, видно, даже это необычайное украшение не утешало берёз, им было скучно на голой, каменной вершине. Они подошли уже к самому краю утёса и с тоской посматривают вниз, к подножию Крижны, где, как море, вечно

шумит и постанывает густой старый лес.

Метрах в ста от Камня Яношика стоял курень, какие на родине Гриши устраиваются обычно на сенокосах. От костра перед куренём потянуло сладковатым буковым дымком.

— Вот и салаш бачи Франтишека, — сказал Ёжо.

— Шалаш, а не салаш, — поправил было Гриша.

Но Ёжо настоял на своём:

— Салаш.

Добродушно улыбнувшись, Гриша махнул рукой:

— Забыл. Мне сегодня почему-то кажется, что я у себя дома, в лесах возле Устюга.

Между шалашом и Камнем Яношика на траве лежала небольшая сизая тучка. Она, казалось, только что спустилась с неба, чтобы немножко отдохнуть и вновь отправиться в путь.

Не то от шалаша, не то от этой тучки слышались тихие, как вздохи лесного ветерка, жалобные звуки.

Грише они напоминали и кукование кукушки, и курлыкание улетающих журавлей, и тяжёлый, лёгкий, неторопливый плеск Сухоны. Гриша, учившийся когда-то музыке, догадался, что это играет скрипка.

Скрипка умолкла. Чуть слышное эхо улеглось по кустам карликовых берёзок, тесно обступивших Крижню. Послышался надтреснутый старческий голос. И полилась песня, слова которой сразу же западали в душу и становились понятными даже Грише, плохо знающему словацкий язык.

*Я сом бача вельми старый,
Не дождем до яры,
Не будут ми кукучки кукать
В тим моим старим кошари.*

Положив руки на винтовку, висевшую на груди, Гриша остановился. И взяла его за сердце такая тоска, словно он и на самом деле слышал не голос незнакомого человека, а кукование родной северной кукушки, тоже случайно попавшей

в этот прекрасный, но всё-таки чужой, непривычный край...

*Помалу, овечки,
Голями, долами.
Я сом баче старый
Не владзем за вами.
Гей, дзини-дзини дай дон!
Гей, дзини-дзини дай дон!*

— Бача поёт, — тихо сказал Ёжо. — Он всегда поёт, когда один.

Смолкла скрипка. Замер голос певца. Лишь где-то во тьме, за шалашом, блеяли овцы, да позади в низкорослых берёзках шелестел ветерок, уносивший с Крижны песню старого бачи.

Когда приблизились к шалашу, от которого веяло густым, пряным запахом копчёностей, Гриша увидел невысокого, совершенно лысого старика лет шестидесяти. На чёрном загорелом лице его ярко выделялись кустики седых косматых бровей. Бородка и усы у него хоть и были, но как-то не бросались в глаза. Внимание привлекли прежде всего брови да глубокие густые морщины, которых у него было, пожалуй, не меньше, чем тропинок на Крижне. Одетый в белые суконные штаны и коротенькую жилетку, бача сидел на пенёчке возле костра, над которым висел огромный чёрный котёл. Держа на коленях маленькую, почти игрушечную, скрипку, он помешивал в котле большим деревянным черпаком. У его ног, положив серую морду на лапы, дремала овчарка. Увидев посторонних, она зарычала, но, успокоенная хозяином, снова сделала вид, что дремлет. Бача подбросил хворосту в костёр. Ярко вспыхнувшее пламя осветило всё вокруг. И то, что издали Гриша принял за сизую тучку, оказалось стадом белых овец.

Бача встретил гостей молча и сдержанно, будто бы заранее знал, что они придут. Посмотрев на Гришу спокойным, глубоко проникающим взглядом, он вполголоса пригласил:

— Садитесь, отдыхайте, — и, повернувшись к псу, приказал: — Сте-реги!

Пёс встрепенулся, поднял голову, наострил уши и больше не опускал её на лапы, протянутые в сторону костра.

— Плохой из него сторож, — махнул Ёжо рукой и сел на траву рядом с Гришей, — зарычал только, когда на хвост наступили.

— Ээ, челове́ече! Он сказал мне о вас, когда вы ещё по лозняку пробирались, — возразил старик и покачал головой. — Не в добрый час всё это стряслось...

— Что? — насторожился Ёжо.

— Да я насчёт убитых гарди-стов...

— Вы уже знаете? — удивился Ёжо.

— Только что с этой фабрикой каша заварилась, а тут товарищ не стерпел... — Бача улыбнулся Грише так, что тому стало ясно: старик всё знает. — Придётся вам на недельку притаиться, а то по горам теперь начнут рыскать. Нарвётесь. Что ж, русский из концлагеря?

Гриша кивнул утвердительно.

Бача взял скрипку. Медленно разгибая спину, встал и ушёл в шалаш. Гриша удивлённо посмотрел ему вслед: красная кожаная жилетка, полы которой впереди свисали

до самого пояса, совсем не прикрывала спины.

«Зачем шьют такие коротышки?» — подумал Гриша и прилёг возле костра.

Он не раз уже видел эти традиционные жилетки, прикрывающие только грудь. Но сейчас подумал о них лишь потому, что за день устал от мыслей, которые волновали его больше всего.

Старик вышел с огромной деревянной чашкой, наполненной белой жидкостью, и спросил Гришу:

— Ты уже пробовал жинчицу? *

— Пробовал, — загадочно улыбнулся Гриша. — Нельзя мне её.

— Да, раз побывал в концлагере, то желудок у тебя не для жинчицы, — понимающе кивнул бача. — Без привычки её и здоровому пить нельзя больше стакана.

Старик передал чашку Ёже и тут же вынес кислого коровьего молока.

— Попейте, это после дороги хорошо. А кашу с молоком будете есть?

— Ах, добра жинчичка! — крикнул Ёжо. — Только ж посудина не по мне. И половины не одолел... Ка-

* Сыворotka от брынзы.

шу? — только теперь переспросил он. — Гришкоо, ты любишь кашу с молоком?

— Когда-то мама часто варила, — ответил Гриша, не отрывая взгляда от ярких угольков костра. — Любил. Да вот уж третий год и не видел её. Нас там только баландой поили.

— Что такое баланда? — широко раскрыв и без того большие чёрные глаза, спросил Ежо.

— Пойло, которым кормят в немецких лагерях. В воду подболтают немного чёрной муки или отрубей, заварят и пей. Да и то по одной консервной банке в день и без соли. Совсем без соли.

Заговорив о порядках в Бухенвальде, Гриша вспомнил, как Вацлав Гудба учил его думать и верить. И он умолк, вспоминая прошлое...

Однажды вечером по концлагерю прошёл шёпот, что через час всех здоровых погонят на станцию работать. Узники знали, что придётся грузить бомбы или снаряды. И каждый старался сказатьсЯ больным, лишь бы не быть выгнанным на позорную работу. Гриша тоже решил симулировать. Вацлав Гудба спросил, почему он не идёт. И сам же ответил:

— Совесть не позволяет. А давай подумаем. Может, надумаем что-нибудь хорошее?

— Что тут надумаешь! — безнадёжно махнул Гриша.

— А ты всё же подумай, — настаивал Гудба. — Сколько вчера сожгли околевших от голода?

— Сорок.

— А сегодня?

— Шестьдесят два.

— А тебя когда унесут?

— Да, может, и завтра...

И вдруг Гриша понял, что единственная возможность остаться живым — это пойти на работу и бежать. Бежать. Во что бы то ни стало бежать. С каждой минутой эта мысль овладевала им всё больше и больше. И в этот день они с Гудбой бежали.

Да и потом, когда пробирался сюда, Гриша не раз прибегал к реко-

мендованному Гудбой средству: думать и верить.

Однажды возле Иены он расхворался и, обессиленный, был схвачен богатым бауэром*. Отец двух эсэсовцев, бауэр и сам хотел выслужиться перед гитлеровцами. Он связал русского, запер в комнате и поехал в полицию.

Что было делать?

Если бы Грише даже удалось развязать верёвки, то и тогда не убежал бы: на окнах — толстые решётки, дубовая дверь на замке. А в комнате, кроме рояля и лёгких венских стульев, ничего не было. И всё же Гриша решил действовать до последней возможности. Он подполз к роялю. Связанными за спиной руками нащупал бронзовые педали. И об острые углы бронзы начал тереть верёвку. Долго тёр, но всё же добился своего. И вот руки свободны. Ноги свободны.

Но как выбраться из дому? В смежной комнате весёлый разговор, смех: сын хозяина, гитлерюгенд**, хвалится перед матерью успехами в муштре.

Вдруг в голове точно молния сверкнула дерзкая мысль. Гриша подбежал к роялю, на котором стояли раскрытые ноты.

Умирать так с музыкой.

Раскрыв рояль, Гриша сел на стул, взял аккорд и чуть не закричал от радости, что не отвык: пальцы привычно и жадно побежали по клавишам.

Высокая светлая комната наполнилась радостным громом.

На какое-то мгновение Гриша забыл где он. Ему казалось, что вот-вот подойдёт мама, ласково шепнёт: «Подвинься». Поставит рядом стул, и они начнут играть в четыре руки. И так будут играть дотемна, пока не вернётся с работы отец. Как всегда, он тихо откроет дверь. На цыпочках пройдёт в угол и сядет не на диван, чтоб не запачкать чехла своим комбинезоном, а на стул.

Дверь и на самом деле распахнулась. Но за спиной музыканта раз-

* Немецкий крестьянин.

** Гитлерюгенд — подросток, готовящийся стать эсэсовцем.

далась грязная немецкая брань. К нему бежали хозяйка и сын. В руках подростка-гитлеровца чернел пистолет.

Выхватив из-под себя стул, Гриша двумя прыжками забежал за спину немки. Теперь гитлерюгенд не мог стрелять. Из-за живого прикрытия Гриша изловчился и ударил стулом по руке, державшей пистолет. Раздался выстрел. Пистолет полетел под рояль. Свалив с ног гитлерюгенда, Гриша схватил пистолет, запер за собой дверь и через сад убежал в лес.

Вспомнив об этом случае, Гриша решил, что и на этот раз выход может быть найден. Только надо думать и верить.

Повёяло прохладой ночи. Бача накинул на плечо старый дождевик.

Гриша и Ёжо, полужёжа на траве, ели пшённую кашу из большой деревянной миски.

Старик положил ложку и для себя. Но к еде не притронулся. Достав из-за голенища полуметровую чёрную трубку, он не спеша раскурил и, окутанный сизым дымом, грубо задумался.

— Обидно это, очень обидно... — словно продолжая давно начатую беседу, промолвил бача и вздохнул так тяжело, будто в душе его были собраны все человеческие скорби и страдания. — Сколько тюрем прошёл человек, сколько потрудился, а светлого дня не дождался!

Гриша понял, что бача говорит о Яне Коваче.

Трубка дымилась под боком у пояса старика. Струйки дыма, обволакивая и руку и лицо его, уходили вверх и таяли во тьме. Большие тёмно-серые глаза бачи смотрели из-под колючих бровей куда-то далеко-далеко. Казалось, взор этот обнимает всю землю и видит всё, что делается на ней.

Вдруг старик предупреждающе поднял руку.

— Кто-то идёт на гору. Не бойтесь. Один. И не большой ростом.

— Это он по шагам узнаёт, — шепнул Ёжо, зачарованно глядя на бачу.

Залаял пёс.

— Спрячьтесь за шалашом, — сказал бача и, когда гости скрылись, подбросил хворосту в костёр.

Гриша и Ёжо присели между двумя низенькими берёзками, росшими за шалашом. Ярко вспыхнувший костёр осветил склоны горы, и вдаль стало отчётливо видно быстро приближавшееся белое платье.

— Божка! — прошептал Ёжо и пояснил. — Сестра моя.

— За тобой?

— Откуда ей знать, что я тут!

— Что-то случилось в деревне?..

— Не в деревне, — возразил Ёжо, — она в Старых Горах живёт. Это местечко. От Туречки три километра. А отсюда, через речку, рукой подать. Только очень крутые склоны. Да она у нас, как коза...

— Хлопцы, тихо! — предупредил бача и подозвал пса.

Запыхавшаяся Божена подлетела к огню, заглянула в шалаш, туда, сюда.

— Вы одни?

— Один.

— Никого-никого? — Быстрая, как огонёк, девушка нетерпеливо переступала с ноги на ногу, бегала глазами вокруг, тербила пальцами жёлтый вьющийся локон. — Дедушка Франтишек, уже все знают, что парашютисты пошли сюда, к вам. Вся полиция на ногах. Скоро будут здесь. Я их обогнала. Они через село, а я...

— Да погоди ты! Строчишь, как швейная машина. Расскажи всё толком.

— Ну вот... Я слышала, как пан комендант из дому приказывал по телефону собрать всех полицейских. Вооружиться и...

Божена начала говорить медленно, а потом всё быстрее и быстрее.

— Потом я слышала... Мыла посуду на кухне и слышала, как пани уговаривала пана вызвать подкрепление из Банска-Бистрицы, потому что нельзя же с двадцатью гардистами выступать против сорока парашютистов. А он ей: «Ты дура. Не понимаешь, что на этом можно построить карьеру. Я выступлю, а дежурный даст телеграмму. Пока пришлют помощь, мы окружим

Крижну и завяжем бой с парашютистами. А там уж пусть нам помогают: всё равно вся слава достанется мне»... Потом пап комендант...

— Породи, Божена. Ясно, — остановил бача. — Когда ты это слышала?

— Час назад. Я до Крижны на мотоцикле, а тут напрямик по скалам...

— Ну и девка! — старик покачал головой и спокойно налил чашку жинчицы. — Выпей жинчички за то, что быстро ходишь. Только старалась ты зря: никаких парашютистов тут не было.

— Как же так? А кто убил трёх гардистов? С ними даже наш Ёжо ушёл. — И уже сердито Божена добавила: — Ему всегда везёт, потому что бездельничает за моей спиной.

— Ничего я об этом не знаю. А вот за тебя боюсь: спросит хозяин, куда в полночь на мотоцикле ездила...

— Не спросит. Я часто катаюсь по вечерам. Да и мотоцикл не его, а хозяйки.

— Беги, Божка, беги! На вот тебе ещё и ошепок*, — старик вынес

* Ошепок — копчёная фигурка из брынзы. Как копчёная колбаса, ошепок может лежать несколько лет, сохраняя не только свой замечательный вкус, но и пряный запах сладковатого букового дыма.

из шалаша маленького, словно отлитого из янтаря, игрушечного зайца.

Поблагодарив, Божена умчалась.

— Хлопцы, быстро под Камень Яношика, — сказал бача своим гостям и пригасил костёр. — Ёжо, помнишь старую ель возле водопада, я тебе показывал весной?

— Помню.

— Денёк-другой пересидите там, пока немного утихнет. Послезавтра я приду к водопаду.

— Дедушка, — прошептал Гриша, когда бача с рюкзаком вышел из шалаша, — мне надо поговорить с вами по очень серьёзному делу.

— Поговорим, человек, поговорим... — поспешно ответил бача, — только не сейчас...

Гриша не настаивал, понимая, что нельзя в такой спешке решать столь важный вопрос...

Бача довёл их до Камня Яношика, пригнувшись, вошёл в большую пещеру и отвалил камень в стене.

— Спускайтесь. Вот вам рюкзак с едой, вот фонарик. Здесь ход под землёй к реке. А дальше Ёжо знает путь.

Гриша и Ёжо спустились в яму. Камень прикрыл за ними лаз. Гриша включил электрофонарик и первым двинулся по тоннелю. Шли минут двадцать. Выход из тоннеля был

также завален камнем. Вдвоём вытолкнули его и оказались возле бурной шумящей реки.

ГОРЫ с северной стороны Крижны выше, чем с южной, леса гуще. И на десятки вёрст вокруг ни деревушки. Куда ни глянь — леса и леса. Хмурые, величавые и молчаливые, они по самой своей природе являются убежищем для всех, кому нет места в городах и сёлах.

Ёжо вёл без тропинок: ясно было, что места эти он знает. Когда поднялись на перевал, он показал широкую лесистую долину, которая под косыми лучами луны горела тусклым зеленоватым огнём.

— Вот. В этих лесах жил когда-то Яношик. Все так говорят... Мы пойдём вон к тому дереву...

Недалеко под склоном горы Гриша увидел глубокую впадину, поросшую стройными елями. На самой её середине возвышалась многовековая мохнатая ель. Она так высока, что окружающие её столетние ёлки кажутся девчурками, собравшимися вокруг великанши. Сейчас, при луне, они похожи на словачек, одетых в зелёные сарафаны. Девушки взялись за руки и ждут музыки, чтоб пуститься в пляс. Только кто же тут заиграет: кругом суровая, дремучая тишь.

Спустились во впадину. Ёлки вокруг мохнатой старухи росли не густо и потому были зелёными от макушек донизу. Ветви их, как старомодные платья словачек, пышно распускались до самой земли. А старая мохнатая ель оказалась настолько приспособленной для жилья, что ничего лучшего и не придумаешь. К стволу не подойдёшь: во все стороны ошетинились колючие лапы тяжёлых ветвей. Приподняв одну ветку за пучок тёмно-зелёных

иголок, Ёжо промолвил, будто приглашая в комнату:

— Прошу.

Под покров ветвей вошли, как в шалаш. Ветка опустилась и закрыла вход: со стороны ни за что не догадаешься, что под деревом прячутся люди.

Самые нижние ветви начинались на высоте двух метров и коромыслами опускались до земли. Над веером этого ряда ветвей шёл второй, над ним третий, и так чуть не сотня этажей поднималась к макушке.

— Сюда и дождь не попадёт, — заметил Гриша, расстилая плащ-палатку на мягком, толстом слое хвои. — Вода тут далеко?

— Рядом ручеёк. А внизу, в ущелье, — целая речка с водопадом, — шёпотом ответил Ёжо.

— Как по-твоему, сколько лет этому дереву? — тоже шёпотом спросил Гриша.

— Если то, что о нём говорят, правда, так не меньше трёхсот.

— А что говорят?

— Будто посадил эту ёлку сам Яношик. Он вообще любил сажать деревья. Это-то правда. Где пройдёт, там уж обязательно леса вырастут, а где топнет ногой, там озеро появится.

Гриша и Ёжо, находясь здесь почти в полной безопасности, всё же продолжали говорить вполголоса: такая стояла вокруг тишина.

Долго лежали молча, не спали. Теперь уже Гриша не терзался догадками, кому доверить свою тайну. Он твёрдо решил всё рассказать баче и даже винил себя, что не сделал этого сразу же, как пришли к шалашу.

«Ну, да один день в таком деле ничего не решает», — успокоил себя Гриша и крепко уснул.

(Продолжение следует)

Долгожданное число

Две подружки много раз
Забегали в светлый класс,
И за партой возле печки
Присмотрели два местечка.

У одной и у другой
Есть подарок дорогой:
Есть портфель, а в нём
тетрадки —

Всё давно уже
в порядке.

Им торжественно братишки
Отдают в наследство

книжки,

А букварь им каждый день
Перелистывать не лень.

Есть для этого причина
И у Оли и у Нины:

По семь лет подружке
каждой,

Это возраст очень
важный!

И уже давным-давно
Всё по пальцам сочтено:
Завтра в школу!

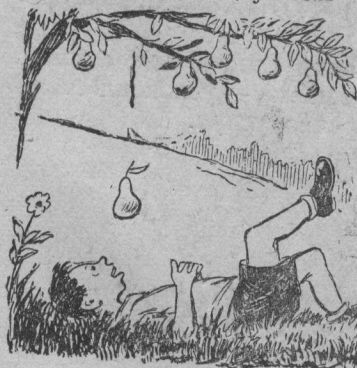
Им не спится:

Завтра все начнут
учиться.

Долгожданное
число

Наконец и к ним
пришло!

П. СЕРОВ, учитель

Груша

Заметил на дереве лакомка грушу.

— Ах, если б, — сказал он, — я смог её
скушать!

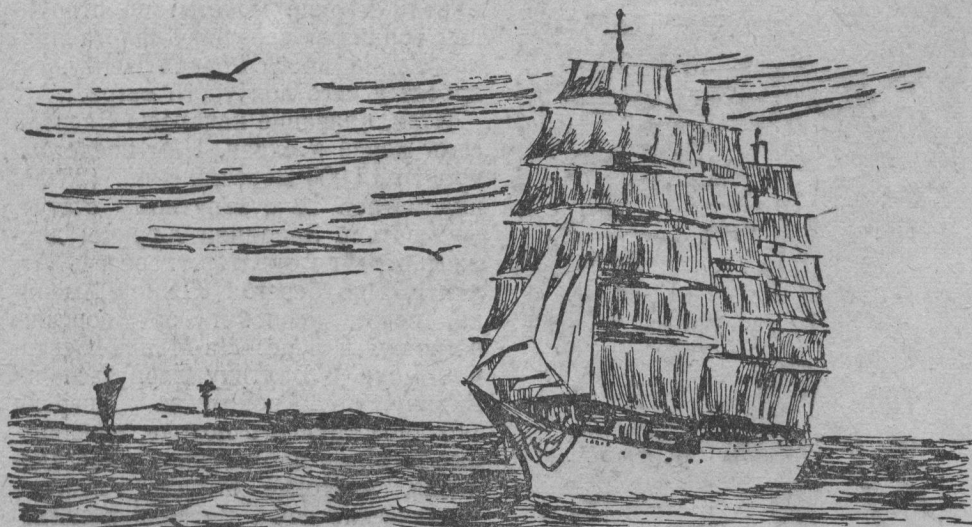
— Ну, что ж, — отвечает сестрёнка
Наташа, —

Достань, если хочешь. Вон лестница наша.
Но лень мальчугану на дерево лезть.

— Зачем? — говорит. — Я достану и здесь.
Я лягу под веткой, разину я рот.
Когда-нибудь груша сама упадёт.

А. МАКЕДОНСКИЙ,
Б. НЕВСКИЙ

У берегов Западной Африки

В ЗИМНИЙ вечер 8 февраля 1958 года на перроне Московского вокзала у одного из вагонов скорого поезда Ленинград — Севастополь собралась оживлённая группа молодёжи. В далёкую четырёхмесячную экспедицию отправлялись молодые специалисты... Последние минуты перед отправлением поезда, последние напутственные слова провожающих, прощание с родными — и наш состав, набирая скорость, плавно отходит от перрона.

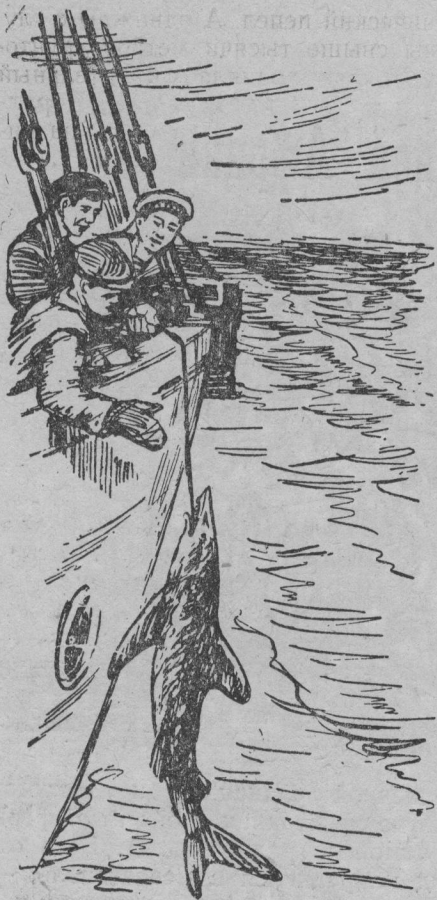
Пока поезд мчится через заснеженные равнины от Балтики к берегам Чёрного моря, расскажем о целях и задачах нашего путешествия.

В океанографический отряд, возглавляемый кандидатом физико-математических наук М. М. Казанским, входило пятьдесят молодых научных сотрудников: океанографы, исследующие температурный режим океана, течения и структуру морского дна; гидробиологи, изучающие жизнь микроорганизмов в морской воде, и метеорологическая группа, состоявшая из синоптиков (прогноз погоды), актинометристов (измерение

солнечной радиации) и аэрологов (изучение верхних слоёв атмосферы с помощью радиозондов). Весь отряд направлялся в Севастополь, — там у стенки Графской пристани нас ожидал лидер советского парусного флота, четырёхмачтовый барк «Седов». На этом экспедиционном судне нам предстояло отправиться в экваториальные широты Атлантики и к берегам Западной Африки для комплексных научных исследований по программе Третьего Международного Геофизического Года (3 МГГ).

В Севастополе нас встретила весна. Прямо с поезда мы направились на пристань. Вот и красавец «Седов» — самый большой парусный корабль в мире... С интересом мы знакомимся с многообразным и сложным хозяйством своего будущего «дома», водоизмещением семь с половиной тысяч тонн, с четырьмя мачтами высотой с 20-этажное здание и тридцатью двумя парусами, равными по площади 200 комнатам по 20 метров каждая!

В оставшиеся до выхода в море дни непрерывно идёт погрузка,

установка и опробование научного оборудования. Командир «Седова», опытный моряк П. С. Митрофанов, ещё и ещё раз придирчиво проверяет готовность корабля к далёкому и трудному плаванию.

Наконец наступает долгожданный день 27 февраля. В 13 часов на палубе выстраивается команда и личный состав экспедиции. На корабль поднимается командующий Черноморским флотом адмирал Касатов. Он говорит о том, что «Седов» — первый советский военноморской корабль, которому предстоит пересечь экватор и посетить западноафриканский порт Дакар. В ответном слове командир корабля заверяет, что «Седов» с честью пронесёт флаг Родины по морским и океанским просторам.

14 часов. Убран трап, мощные буксиры выводят «Седова» из Севастопольской бухты. На всех кораб-

лях, стоящих в гавани и на рейде, подняты флаги «Счастливого плавания!»

Вот и внешний рейд. Короткая команда — и «Седов», одевшись в несколько мгновений белыми парусами, ложится курсом на Босфор. У бортов оживление — все бросают в воду мелкие монеты: по старинной традиции парусного флота приносят дань «богу морей» Нептуну и просят у него попутного ветра...

Итак, плавание началось. Впереди семь морей и океан. Нам предстоит пройти 15 000 морских миль (28 000 километров по сухопутному счёту), побывать в Западной Африке; дважды перейдя экватор, пересечь Атлантику до берегов Южной Америки, потом повернуть к Азорским островам и через Ла-Манш, Северное море и Балтику вернуться на Родину, в Кронштадт. Впереди 110 дней трудного похода, ежедневные научные наблюдения и исследования, жестокие штормы, душные тропические ночи. Впереди незнакомая, далёкая Африка...

Свежий нордовый ветер помог нам пересечь Чёрное море всего за 40 часов. На рассвете 1 марта показались гористые берега Турции, и днём «Седов» вошёл в Босфор.

Этот пролив, соединяющий Чёрное море с Мраморным и разделяющий Европу и Азию, похож на реку, выходящую между холмистыми берегами. Около Стамбула Босфор не шире нашей Невы. На обоих берегах видны шикарные, утопающие в зелени, виллы богачей и полуразвалившиеся дома-трущобы, населённые трудовым людом стамбульских предместий, развалины крепостных стен, минареты мечетей, рыбацкие деревушки. Среди этой мирной картины бросаются в глаза артиллерийские батареи, радарные установки, казармы, охраняемые часовыми с автоматами. На солдатах и матросах ясно видна американская форма.

Вот и Стамбул, прославленная своей красотой бухта «Золотой Рог». В вечернем воздухе загораются неоновые рекламные. У самого берега расположены беломамарные дворцы бывших султанов Турции, ныне

превращённые в музеи. Дальше видны узкие высокие дома, построенные в современном стиле. На этом фоне особенно неказисто выглядят маленькие, устаревшей конструкции, трамвайчики. Ни троллейбусов, ни тем более метро в Стамбуле нет.

Ночью проходим через Мраморное море и Дарданеллы. Утро следующего дня застаёт нас уже в Эгейском море. Теперь до самого Гибралтара путь «Седова» будет проходить вдали от берегов, они только иногда будут виднеться в синей дымке горизонта. На «Седове» начинаются трудовые будни.

Для состава научной экспедиции Средиземное море не представляет большого интереса. Оно давно уже изучено и подробнейшим образом описано во всех логиях и атласах. Да и погода не благоприятствует — весна в нынешнем году в Средиземноморье выдалась бурная и штормовая, ветер всё время встречный, и команде «Седова» приходится немало потрудиться, чтобы путём сложных манёвров неуклонно продвигаться к цели нашего путешествия — Атлантическому океану.

Поздно вечером 15 марта мы ходим к воротам в Атлантику — Гибралтарскому проливу. Впервые многие из нас видят пустынные холмистые берега Африканского континента, они налево от нас.

Но вот остались позади ночные огни Гибралтара, Сеуты и Танжера, и мы, наконец, в Атлантическом океане. «Седов» берёт курс на юго-юго-запад и идёт вдоль Африки, примерно в ста пятидесяти милях от берегов. Начинается страдная пора для нашего экспедиционного отряда.

За борт корабля, в глубины океана отправляются различные приборы: батометры, берущие пробы воды с различных горизонтов; глубоководные термометры; «вертушки», определяющие направление и скорость течения; планктонные сетки, извлекающие вместе с водой множество микроорганизмов, обитающих в морской воде. Грунтовые трубки приносят со дна океана песок, ил, различные ракушки, а иногда и совсем неожиданные вещи, например вул-

канический пепел. А однажды с глубины свыше тысячи метров грунтовая трубка подняла удивительный подарок — пучок кораллов. Коралловые полипы могут жить и развиваться лишь на глубинах до тридцати метров; обнаружение остатков этих беспозвоночных кишечнорастворимых животных на глубине 1000 метров даёт возможность предполагать, что в этих широтах Атлантики когда-то произошло резкое опускание морского дна, вероятнее всего из-за грандиозной подводной вулканической катастрофы...

Непрерывно работает эхолот — умный прибор отечественной конструкции, расположенный в днище корабля. Эхолот посылает электрозвуковые сигналы, которые, отражаясь от дна океана, возвращаются обратно; отражённый сигнал поступает в приёмник, и самозаписывающее устройство показывает точную глубину в данном месте.

В то время как внимание океанографов устремлено в морские глубины с их загадками и тайнами, метеорологи заняты своими делами:

Метеорологи сообщили, что надвигается 8-балльный шторм. Объявлен аврал, кипит работа.

запускают радиозонды на высоту до 20 километров для изучения верхних слоёв атмосферы; актинометристы при помощи своих сложных приборов исследуют явления солнечной радиации; ежечасно измеряется температура воздуха, его влажность, направление и скорость ветра, атмосферное давление.

Гидробиологи и ихтиологи вместе со свободными от вахты матросами занимаются своим делом: азартно охотятся за акулами, кальмарами, муренами... Акул около дрейфующего корабля полно. В прозрачной воде хорошо видны характерные силуэты океанских хищниц. Как только опускается за борт какой-нибудь прибор, акулы устремляются к нему, но, увидав, что перед ними несъедобный предмет, разочарованно отплывают. А когда в воде появляется большой кусок мяса на крепком стальном крюке, акулы жадно его заглатывают; в этот момент несколько человек начинают выбирать трос и вытаскивают бьющее хвостом безобразное чудовище на палубу. Акулы попадались нам не очень крупные — длиной не более трёх метров. Привелось попробовать нам и акульего мяса. Вымоченное в уксусе, оно вполне съедобно и напоминает по вкусу треску.

Крупные головоногие моллюски — кальмары похожи на своих близких родственников осьминогов. Но кальмары меньше размером, и у них имеется клюв, похожий на птичий. Кальмаров седовцы приманивали на свет, опуская в воду тысячеваттную лампу. А при помощи обыкновенной удочки любители-рыболовы умудрялись добывать мурен — хищных рыб с длинным змеевидным туловищем и острыми тонкими зубами, один из которых содержит яд. Корабельный врач И. Л. Мамиконов продемонстрировал нам выделение яда из зуба мурены. Он умело нажал на шейные позвонки морской змеи, и на кончике большого зуба показалась смертоносная коричневая капля...

Приближаемся к африканскому берегу. Резко меняется цвет воды — из голубого он переходит в тёмно-зелёный. О приближении берега сви-

детельствуют и стаи птиц в воздухе и песчаная пыль, несущаяся на Атлантику с Сахары.

3 апреля в полдень «Седов» подходит к Дакару. По правилам морской вежливости, на фок-мачте нашего корабля взвигается трёхцветный французский флаг. Приближается, окаймлённая прибоем, полоса низкого пологого берега, заросшего зеленью и высокими пальмами. В 14 часов подходим к Дакарской гавани. Город, как на ладони. Преобладают небольшие, выкрашенные в светлые цвета, домики; среди них выделяется несколько зданий высотой в 12—14 этажей. Много садов. В порту довольно оживлённо — стоят под погрузкой теплоходы, танкеры, большие пассажирские лайнеры под флагами многих стран.

Проход «Седова» по бухте к месту стоянки вызывает всеобщее внимание. Маленький юркий морской трамвай, с которым мы поравнялись, переполнен пассажирами, главным образом неграми. Увидав флаг нашей Родины, они энергично приветствуют нас, машут шляпами, куртками, пиджаками, поднимают вверх,

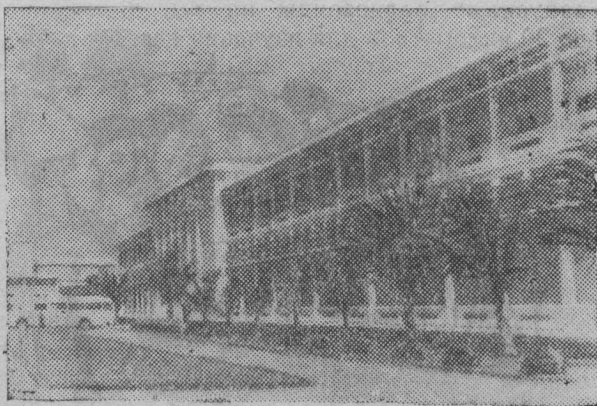
в рот-фронттовском приветствии, сжатые кулаки...

В 14.30 «Седов» ошвартовывается у стенки гавани рядом с французским гидрографическим судном. Итак, мы в Африке!

Раскинувшийся перед нами Дакар является административным центром Французской Западной Африки. Город расположен у подошвы Зелёного мыса — западной сконечности африканского континента. Здесь самое узкое место Атлантического океана — до берегов Южной Америки «всего» три тысячи километров. Небольшой по населению (230 тысяч жителей), Дакар имеет крупное значение, как военно-морская база французского флота и как торговый порт, из которого вывозится ценное местное сырьё. Хорошо оборудованный аэропорт Дакара находится на оживлённой трассе многих международных авиалиний, связывающих Европу и Африку с Южной Америкой.

ПЕРВЫЙ день нашего пребывания в Дакаре прошёл во взаимных визитах, которыми обменялись представители французских властей с командованием нашего корабля.

Как всегда в тропиках, сразу после захода солнца наступила душная ночь. Наш корабельный киномеханик хлопочет на верхней палубе, готовя демонстрацию фильма «Карнавальная ночь». Около «Седова» собираются оживлённо переговаривающиеся группы матросов, французов и негров, в белой форме и шапочках с красными помпонами. Они с любопытством смотрят на нас, улыбаются. Мы приглашаем их к себе в гости. Они не заставляют себя просить, и через несколько минут на палубе нашего корабля очень весело и шумно — все знакомятся, идёт обмен папиросами и сигаретами, сувенирами, журналами, открытками, значками и, конечно, почтовыми мар-

Это здание Дакарского университета. 80% обучающихся здесь студентов — негры.

ками... Вместе с нами французские моряки смотрят «Карнавальную ночь». Весёлый музыкальный фильм приводит наших гостей в восторг. Они яростно аплодируют песенкам Людмилы Гурченко. Расстаёмся мы друзьями, сговорившись назавтра встретиться в товарищеском матче на волейбольной площадке.

На следующий день, разбившись на группы, отправляемся в город.

Дакар невелик, за несколько часов его можно обойти вдоль и поперёк. Улицы в центре города чистые, много садов и скверов, нарядных зданий, в которых размещаются банки, универмаги, правительственные учреждения. Оживлённое движение автомашин, преимущественно французских марок. Но наряду с автомобилями и автобусами немало навьюченных осликов и запряжённых в тележки и повозки мулов. В уличной толпе преобладают негры, или, как они себя называют, «африканцы» («негр» в Африке считается бранным, оскорбительным словом). Много маленьких магазинов и лавочек, но ещё больше на улицах чернокожих разносчиков и лотошников. Они громко расхваливают свои нехитрые товары и пытаются навязать их прохожим. Но покупают мало...

Сопровождающие нас французские чиновники рассказывают, что в Дакаре ощущается резкий жилищный кризис. Создана частно-правительственная фирма по постройке новых жилищ. На автобусе мы направ-

ляемся в предместье, где расположен посёлок, выстроенный фирмой. Это маленькие, трёхкомнатные, дома-коттеджи с небольшими садиками при них. В домах имеется ряд удобств, однако ванн мы не обнаружили. Как нам объяснили, в Дакаре не хватает пресной воды и установлен строгий режим водяной экономии.

Новые дома частично заселены, в них живут как белые, так и африканцы. Последние относятся к числу более или менее обеспеченных людей — мелких чиновников, врачей, учителей, торговцев. Для большинства же коренного населения эти уютные коттеджи недоступны по цене. Африканцы ютятся в жалких глиняных хижинах с земляным полом и циновками вместо мебели. Проезжая кварталы, населённые бедняками, мы видели ужасающую грязь и нищету...

Вечером в порту волейболисты «Седова» встретились с командой французских военных моряков. Игра закончилась в нашу пользу со счётом 3:0. Как говорится, «встреча прошла в дружественной обстановке». Наши хозяева приветствовали аплодисментами каждую нашу удачную комбинацию. В особенности имел успех наш лучший волейболист — смуглый чернявый техник-аэролог Серёжа Полухов. После

каждого его мёртвого «гаса» наши противники и многочисленные болельщики в восторге кричали: «Браво, мулат!»

Утром следующего дня мы побывали в Дакарском университете, единственном высшем учебном заведении Западной Африки. Университет готовит врачей, юристов и инженеров. Он невелик, но аудитории и лаборатории хорошо оборудованы. Студентов мы, к сожалению, не застали: в апреле в Африке уже начинаются летние каникулы.

Нас принимал ректор, пожилой француз. Он рассказал, что университет существует совсем недавно; до второй мировой войны лишь немногим счастливчикам из западноафриканской молодёжи удавалось получить высшее образование в далёкой Франции. Теперь же 80% студентов Дакарского университета — африканцы.

— Очень талантливые люди, — говорит ректор, — они удивительно способны к наукам!

Признание интересное, если учесть, что многие годы колонизаторы твердили о якобы полной неспособности негров к умственному труду. Ещё несколько лет тому назад африканец мог стать только чернорабочим, грузчиком, носильщиком, официантом. Теперь же появляются кадры африканской интеллигенции,

воспитанники Дакарского университета, В особенности популярны местные врачи-негры. Любопытно, что больные, в том числе и белые, предпочитают обращаться к африканским врачам, хотя в Дакаре имеется немало и приезжих французских медиков.

За время стоянки «Седова» в Дакаре весь мир облетела весть о решении Советского правительства прекратить с 31 марта 1958 года испытания атомного и ядерного оружия. С быстротой молнии распространилось это известие по Дакару. Нас на улицах останавливали незнакомые люди, которые, узнав в нас советских моряков, пожимали наши руки, просили передать свою благодарность советскому народу. В то же время дакарцы с тревогой и гневом говорили о решении французского правительства провести испытания атомной бомбы в Сахаре, на территориях Алжира и Западной Африки. С полным основанием жители Дакара считают, что такие испытания могут самым роковым образом отразиться на здоровье населения их страны.

Дети... Их много в Дакаре, белых, смуглых и совсем чёрных. Белые дети чинно гуляют в скверах со своими гувернантками, играют в серсо и в мяч. У этих детей обеспеченные родители и «приличное» будущее. Но гораздо больше в Дакаре детей с тёмной кожей — курчавых и белозубых детей Африки. Жизнь их не балует. Многие из маленьких африканцев не имеют возможности учиться в школе и вынуждены с малых лет зарабатывать себе на жизнь, торгуя на улицах сигаретами, леденцами, мелкой галантереей, арахисовыми орехами. Весь «магазин» помещается в плетёной корзине, которую маленький продавец ловко носит на голове.

С одним из таких парнишек мы подружились. Для начала знакомства мы купили у него кое-какую мелочь, а потом разговорились.

— Как тебя зовут?

— Жюль.

— А сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

— Ты учишься в школе?

— Я учился два года, а теперь мне некогда.

— У тебя есть родители?

— Отец умер в прошлом году. Мать больна, она всё время лежит. Есть ещё сестрёнка и братишка, только они совсем маленькие.

— На что же вы живёте?

Жюль пожимает плечами:

— Я кое-что зарабатываю. Мало, правда... А вы из России?

— Да, мы из Советского Союза. А как ты узнал?

Вместо ответа Жюль показывает на пиджак одного из наших товарищей. На лацкане алеет маленький значок.

— Ленин... — тихо выговаривает Жюль.

Оказывается, Жюль слышал кое-что о нашей стране. Он спрашивает — правда ли, что все советские дети учатся и имеют свои дворцы? Мы отвечаем, что правда, и, как умеем, рассказываем нашему новому приятелю о Ленинградском Дворце пионеров, о детских стадионах и спортивных школах, о кружках юных техников, о детских театрах, издательствах и газетах... Жюль за-

Для детей трудящихся безразличен цвет кожи. Белые и чёрные ребята дружат между собой.

чарованно слушает нас, позабыв в этот миг обо всём на свете.

— Значит, советские дети живут в волшебной стране? — наконец произносит он. И, помолчав, прибавляет: — Я могу вас просить, месё?

— Что ты хочешь, Жюль?

— Передайте, пожалуйста, от меня привет советским детям. Хорошо?

Мы исполняем твою просьбу, Жюль, — передаём со страниц «Искорки» твой привет счастливой советской детворе.

Прощай, маленький африканец! Будем верить, что и на твоей родине когда-нибудь будут дворцы пионеров.

И вот опять «Седов» несётся по широкому простору океана. Свежий ветер мчит нас на запад. Давно уже скрылся за линией горизонта поло-

гий африканский берег. Кругом, сколько видит глаз, голубые атлантические волны с белыми гребнями, большая морская дорога...

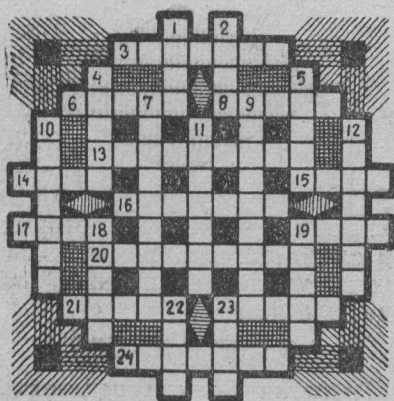
В Артеке

Зной над Крымскими горами.
Только это не беда:
Как живая, под руками
Расступается вода.
Он пыхтит, с волною споря,
С белогривою волной,
Подружился с Чёрным морем
Северянин коренной.

По-хозяйски влез на камень,
Сам, как розовый коралл,
Кожа с плеч висит клоками —
Сильно солнца перебрал.
Хоть двенадцать лет в ней прожил,
Не печалится о ней:
Человек меняет кожу, —
Будет новая прочней!

Леонид ХАУСТОВ

23. Буран. 24. Т-образная труба с тремя отверстиями.

По горизонтали. 3. Мощный прокатный стан. 6. Сборник географических карт. 8. Профессиональный исполнитель ролей в драматических произведениях. 13. Общественный строй, идущий на смену капитализму. 14. Курортный город на Черноморском побережье. 15. Криволинейное перекрытие проёма между двумя опорами. 16. Отколовшийся остроконечный кусок твёрдого тела. 17. Пустыня в южной части Монгольской Народной Республики и северо-западных провинциях Китая. 19. Подъёмный механизм. 20. Отношение диаметра объекта к его фокусному расстоянию. 21. Первый период мезозойской эры.

По вертикали. 1. Флаг, поднимаемый на носу боевых кораблей на стоянке. 2. Столярный инструмент. 4. Стремительное нападение. 5. Хозяйственное предприятие колхоза или совхоза, занимающееся специальной отраслью сельского хозяйства. 7. Воздушная оболочка земного шара. 9. Письменность древних персов, ассирийцев и других народов на камне или на глиняных пластинках. 10. Расстояние от какой-нибудь точки земной поверхности до начального меридиана. 11. Ядовитый гриб. 12. Совокупность всех снастей на судне. 18. Мельчайшая частичка горящего или раскалённого вещества. 19. Хвойный лес на севере Европы и Азии. 22. Куча плотно уложенного сена. 23. Стержень со спиральной нарезкой.

ЗАДАЧА

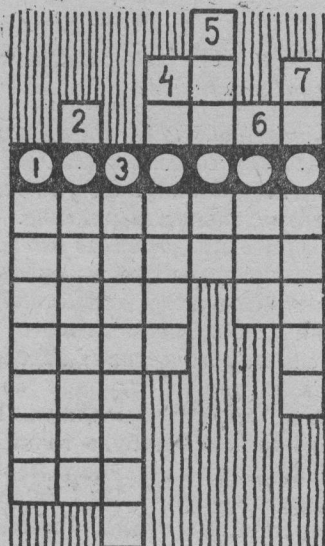

Даны 8 слов: осень, слово, гол, нора, краб, сом, лист, сук. Изменив в каждом из них первую букву, получите новые слова со следующими значениями: дерево; металл; взрывчатое вещество; возвышенность; житель Аравийского полуострова, Передней Азии и Сев. Африки; здание; птица; огородное растение. Первые буквы найденных слов

впишите последовательно в клетки (вместо точек). Но что же делать с девятой клеткой, для которой не хватит буквы?.. Это зависит от того, кто решает задачу — мальчик или девочка... Мальчики оставляют клетку пустой, девочки же вписывают ещё одну букву; какую именно — догадаться нетрудно.

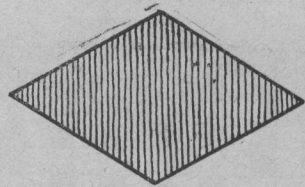
АРХИТЕКТОРЫ — СТРОИТЕЛИ ПЕТЕРБУРГА

Впишите в вертикальные ряды фамилии архитекторов, строивших наш город в XVIII—XIX вв. Если вы делаете это правильно, то в выделенных клетках прочтёте фамилию строителя «Агатовых комнат» в г. Пушкине.

В ряду творений славных мастеров прошлого следующие сооружения: 1 — Смольный институт, 2 — Зимний дворец, 3 — Исаакиевский собор, 4 — здание Двенадцати коллегий, 5 — Таврический дворец, 6 — Александринский театр, 7 — Мраморный дворец.

МОЖНО ИЛИ НЕЛЬЗЯ?

Разделите эту фигуру на шесть одинаковых частей, из которых затем сложите... два шестиугольника. Как вы думаете, выполняема эта задача или нет?

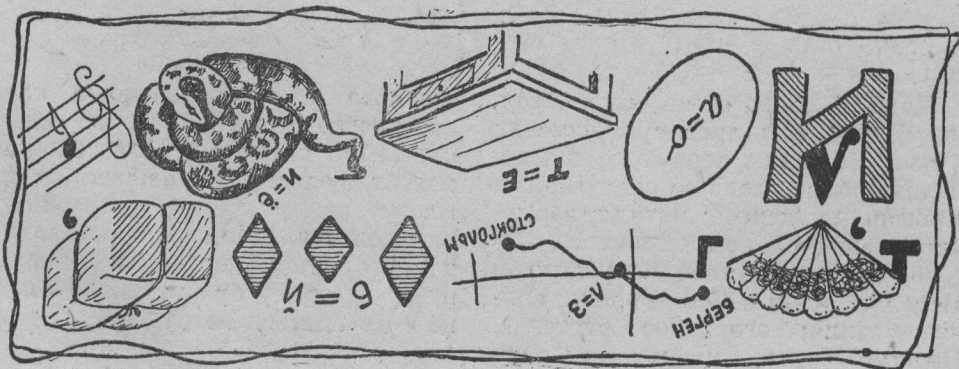
ДЕВЯТЬ НУЛЕЙ

(Составил Боря Керославский, 64-я школа)

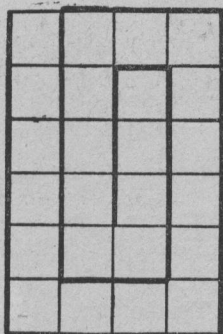
Замените девять чисел нулями так, чтобы в сумме получилось 1111. Попробуйте заменить нулями последовательно 8, 6 и 5 цифр, чтобы во всех случаях оставалась та же сумма.

$$\begin{array}{r}
 1 \quad 1 \quad 1 \\
 3 \quad 3 \quad 3 \\
 5 \quad 5 \quad 5 \\
 7 \quad 7 \quad 7 \\
 9 \quad 9 \quad 9 \\
 \hline
 1 \quad 1 \quad 1 \quad 1
 \end{array}$$

РЕБУС

СПИРАЛЬ

Впишите в горизонтальные ряды шесть четырёхбуквенных слов:
1. Инструмент для прокалывания отверстий. 2. Ценный твёрдый минерал. 3. Воинское подразделение. 4. Река, впадающая в Татарский пролив. 5. Единица силы в абсолютной системе мер. 6. Город на берегу Дона, близ впадения его в Таганрогский залив.

Какие слова можно прочесть по спирали?

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФИЛАТЕЛИСТ

(Составил Я. Алексеев)

В филателистическом магазине негашённые марки продаются немного дороже, чем, скажем, на почте: сорокакопеечная марка там стоит 44 копейки, шестидесятикопеечная — 66 копеек, рублёвая — 1 рубль 10 копеек и т. д. Один филателист, просмотрев альбом наличных марок, отобрал себе целый паке-

— С вас девять рублей семьдесят пять копеек, — сказала продавщица, выписывая чек.

— О нет, вы ошиблись, проверьте, пожалуйста! — сказал филателист.

Продавщица пересчитала и выписала чек на девять рублей семьдесят девять копеек.

Догадайтесь, почему филателист заметил ошибку продавщицы, ведь он не помнил ни количества отобранных марок, ни тем более их стоимость.

ШАРАДА

Два женских имени возьми...
В одном на «А» замени
Вторую букву — «э». И что ж?
Название города прочтёшь!

В. ГРЯЗЕВ

СОСТАВЬТЕ САМИ

Попробуйте составить ребус на слова «Без наук — как без рук». Непременное условие: чтобы ни при одном рисунке не было двух запятых. Недопустимы также и две рядом стоящие буквы между рисунками.

Подумайте хорошенько, как изобразить эту пословицу в виде ребуса.

Самое удачное решение задачи будет помещено в 12-м номере «Искорки».

Проверь себя!

(Ответы к «Искорке» № 8)

РЕШЕНИЕ КРОССВОРДА

По горизонтали. 1. Бегония. 6. Спаржа. 7. Отвага. 9. Бон. 11. Бамбук. 13. Аккорд. 16. Каменотёс. 17. Баян. 19. Ваза. 20. Остап. 21. Унция. 22. Янус. 25. Зонт. 27. Понизовье. 29. Свитер. 30. «Аврора». 31. Мак. 33. Ариозо. 34. Распад. 35. Антенна.

По вертикали. 2. Граб. 3. Неон. 4. Казбек. 5. Каркас. 6. Статья. 8. Африка. 10. Осина. 12. Комбайнер. 13. Антоновка. 14. Забияка. 15. Квартал. 18. «Нос». 19. Вяз. 23. Уловка. 24. Изида. 26. Огород. 27. Путник. 28. Европа. 31. Мост. 32. Кран.

ЮНЫМ МУЗЫКАНТАМ

1. Каватина. 2. Ажитато. 3. Октет. 4. Тембр. 5. Регистр. 6. Речитатив. 7. Вальс. 8. Саз. 9. Звукоряд. 10. Дуэт. 11. Трепак. 12. Клавир. 13. Раструб. 14. Баритон. 15. Нотоносец. 16. Цитра. 17. «Аида». 18. Альт. 19. Тоника.

ГОЛОВОЛОМКА

Красный галстук на груди — всё на свете впереди!

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ!

Решение смотри на рисунке.

$$VI - IV = II$$

$$V + V = X$$

$$VII + V = XII$$

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Здравствуй, школа! Стихотворение Георгия Трифонова	1
К 40-летию ВЛКСМ. Партизанский комбриг. Воспоминания И. Семенкова	2
Жил на свете дядя Сеня. Горошина. Две сказки И. Демьянова	12
Товарищ комсомол. Слова И. Ринка к песне В. Витлина (ноты на 2-й странице обложки)	16
«Илья Муромец». Рассказ Георгия Фомина	17
Ребятам-октябрятам. «Ай-ай-ай!» — Рассказ В. Дроздова	25
С чугуном на голове. Рассказ Александра Алексеева	28
Человек летит в космос. Статья С. И. Гальперина	31
Валашка Яношика. Повесть Андрея Дугинца	34
Долгожданное число. Стихотворение П. Серова	52
Груша. Стихотворение А. Македонского и Б. Невского	52
У берегов Западной Африки. Статья И. Серебренникова и И. Романовича	53
В Артеке. Стихотворение Леонида Хаустова	60
Клуб смекалистых ребят	61
На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева «Снова в школу».	
На второй странице обложки — ноты к песне В. Витлина «Товарищ комсомол» (текст на 16-й стр.).	
На третьей странице обложки — рассказ в рисунках К. Бекташева «Ключула!».	
На четвёртой странице обложки — рисунок М. Бекташева «Кто лучше отдохнул?».	

Редактор М. С. Зыкова

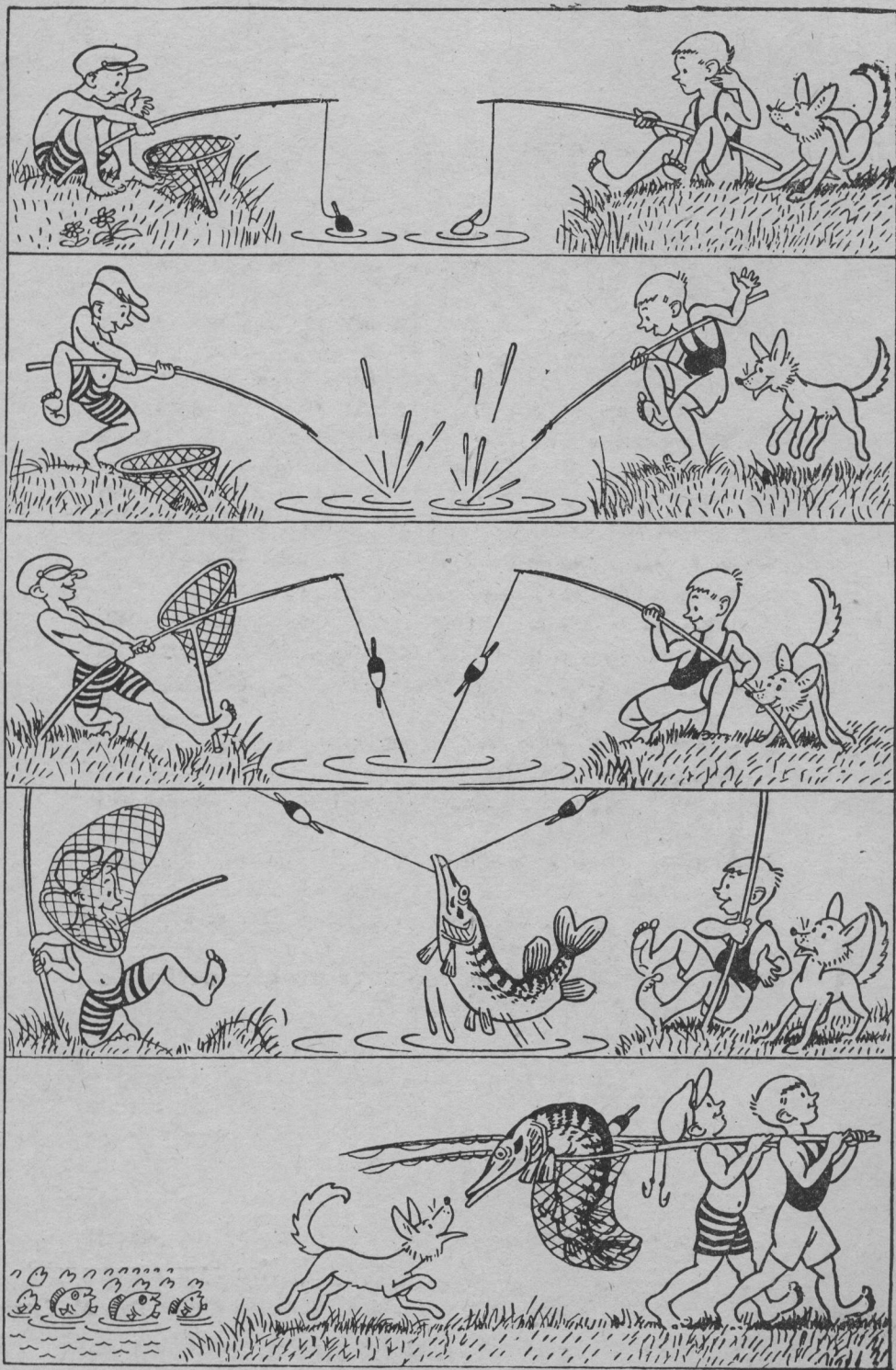
Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А 4-48-51.

Сдано в набор 13/VIII 1958 г. Подписано к печати 12/IX 1958 г. 4 печ. листа. Уч. изд. л. 5,66. М-36701. Заказ № 1208. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

К Л Ю Н У Л А !

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

Кто лучше отдохнул?

Рис. М. Бекташева